

АННА ШНАЙДЕР

The book cover features a dark, atmospheric illustration. In the foreground, a young woman with long, wavy brown hair is shown from the chest up. She has a somber expression and is holding a bright, glowing orange and yellow flame or fire in her cupped hands. Behind her, slightly out of focus, is a man with short dark hair, looking down with a serious, almost somber expression. The background is a deep, dark blue with a subtle, ethereal glow around the figures, suggesting a supernatural or spiritual theme.

ДВУЛИКИЕ
ДОЛГ ДУШИ

Анна Шнайдер

Двуликие. Долг души

<https://litres.ru/74204493>

Аннотация

Шайна сделала выбор, и пусть он оказался фатальным, но он всё же был сделан. И теперь ей нужно учиться жить заново. Но что, если рядом находится человек, в котором ей постоянно чудится тот, кого она потеряла? Что это - сумасшествие? Или?.. Ставки в этой игре слишком высоки, и Шайна ещё не знает, что она - одна из них.

Последняя часть цикла "Двуликие". Рисунок на обложке Вероники Акулич.

Очередность: Двуликие. Клетка для наследника Двуликие. Игра на опережение Двуликие. Долг души

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 3	49
Глава 4	84
Глава 5	106
Глава 6	131
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Пролог

*И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я ещё один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня.*
Н. Гумилёв

ПРОЛОГ

Пространство, заполненное чернильно-чёрной пустотой, дышало безнадёжностью, тоской и отчаянием. Ничего здесь не было, кроме них, ни малейшей искры жизни — только смерть.

Показалось, будто кто-то всхлипнул, и он огляделся, выискивая требовательным взглядом человека, ради которого пришёл.

Маленькая и одинокая фигурка, съёжившись, сидела посреди абсолютной пустоты, закрыв ладонями лицо, и он подошёл ближе, сел рядом.

— Не хочешь уйти отсюда? Здесь грустно и темно, — сказал он, протягивая руку и касаясь крошечного белого плеча. Та, к кому он обращался, подняла голову. Девочка лет пя-

ти, черноволосая и сероглазая, с широкими бровями и губами, искусанными до крови, смотрела на него внимательно и серьёзно.

— Я хочу к маме, — пожаловалась она дрожащим голосом. Нахмурилась, и брови словно срослись, превратившись в одну. — Ты кто?

— Меня зовут Нарро. А тебя?

Она задумалась.

— Не помню.

— А что ты помнишь?

Девочка всхлипнула, и её лицо исказилось, будто она собиралась заплакать.

— Маму. Она умерла. Я хочу к ней. И... — Запнулась, закусила губу. — И ещё к кому-то. Он тоже умер.

— Значит, ты хочешь умереть?

Кивнула.

— А твоя мама? И тот, о ком ты только что говорила. Они тоже хотят, чтобы ты умерла?

Девочка вздрогнула, и в её взгляде впервые появилась неуверенность.

— Не знаю...

— Может, они хотят, чтобы ты жила? И там, позади, неужели не осталось тех, кого бы ты любила?

— Не помню...

— Постарайся вспомнить. Как их зовут? И как зовут тебя?

— Зовут... — эхом повторила она. — Их... Меня... Я

помню, как зовут маму.

— И как же?

— Кара.

Он грустно улыбнулся.

— Разве?

Девочка вновь нахмурилась.

— Да... Нет. Не так. Не помню! — Она вдруг разрыдалась, и он подхватил её на руки, усадил на колени, обнял и погладил по голове. — Ничего не помню, ничего!..

Она рыдала, а он ждал, молча утешая её, до тех пор, пока она не затихла, глотая слёзы.

— Постарайся вспомнить ещё какое-нибудь имя, — сказал он мягко. — Другое, не мамы. Я помогу тебе выйти к тому, кого ты вспомнишь.

Девочка вздохнула и потёрла мокрые щёки маленькими ладошками.

— Норд.

Он вздохнул.

— Ещё?

На этот раз она думала очень долго. Так долго, что Нарро уже начал бояться — больше ничего не вспомнит.

— Дрейк?.. — прошептала почти неслышно, и он улыбнулся. Надо же.

— Отлично, — сказал он и взял её за руку. — А теперь закрой глаза и думай о Дрейке. Я приведу тебя к нему.

— Точно приведёшь?

— Обещаю.

Она кивнула и зажмурилась.

Глава 1

Принцесса Даниита

Возвращаясь в общежитие, Даниита чувствовала себя раздавленной. То, что сообщила на стадионе Эмирин, не умещалось в голове, не осознавалось, казалось дурной шуткой или сном — разве может умереть дядя Велдон? Покушения всегда обходили его стороной, но дело было не только в этом: Даниита воспринимала императора человеком, который будет рядом, что бы ни случилось. Так было всю её жизнь, даже когда они с Дамиром были маленькими и был жив их отец, а мать ещё не уехала в Мирнарию. Дядя Велдон для них с братом был скалой, несущей стеной, на которую всегда можно опереться, и Даниите никогда не приходило в голову, что он может умереть. Даже несмотря на проклятье рода. Она как-то не сомневалась — дядя справится с проклятьем, решит все проблемы, и всё вновь будет отлично, как в её детстве, когда он носил их с Дамиром на плечах. Данииту — на правом, брата — на левом.

Принцесса всхлипнула и прижала руки к груди. В сердце саднило, словно его поранили и теперь оно кровоточило, как уколотый иглой палец. Только к сердцу, в отличие от пальца, нельзя было применить заживляющее заклинание. Да и не оно это болело, а душа. Даниита не представляла, как они с

Дамиром будут жить без дяди. Мать предала, отец умер, и только дядя Велдон всегда был здесь. А теперь его нет.

— Может, это шутка такая, — прошептала Данита, потерев слезящиеся глаза. — Розыгрыш...

— Вряд ли, — проворчал кто-то, и принцесса обернулась. Мрачный и бледный Коул шёл за ней по пятам, а вот Дин и Мирры рядом не было. — Ректор так шутить не станет.

— А где Дин и Мирра? — спросила Данита, не слишком желая обсуждать с Коулом известие о смерти дяди. — Не вижу их.

Эльф огляделся.

— И я не вижу. Странно. — Он нахмурился. — Может, в лазарет пошли вместе с магистром Дархом?

— Скорее всего. — Данита дёрнулась в обратную сторону, чтобы тоже отправиться в лазарет, но Коул поймал её за руку. — Ты чего?

— А ты куда собралась? Тебе-то зачем в лазарет?

— Не знаю, — искренне вздохнула принцесса. — Но куда я должна идти, по-твоему? Я не могу пойти к брату, как хотела бы. Он единственный близкий для меня человек, но я понятия не имею, где он. Значит, пойду к Дин и Мирре, они хотя бы мои подруги.

— Кстати, хороший способ найти Дамира, — протянул Коул, задумчиво глядя на принцессу, и её передёрнуло. Слишком уж тяжёлым был взгляд эльфа. — Он наверняка обратится к тебе, чтобы утешить в такой ситуации. Хотя не

знаю, есть ли смысл искать?

— Не поняла?

— Ему править. Значит, ходить в маске больше нельзя.

Данита на мгновение застыла, а потом выдернула ладонь из руки Коула.

— Я даже думать об этом не могу сейчас! — воскликнула, развернувшись и убежала в сторону лазарета. По губам эльфа скользнула злая скептическая усмешка, он качнул головой и отправился следом за Данитой.

Возле лазарета действительно обнаружили и Мирра, и Дин, но не только они — рядом с дверью, ведущей в одну из палат, толкались ещё несколько первокурсников из числа целителей. Лица у всех были зеленоватые от волнения, взгляды, направленные на дверь, полнились тревогой.

— Как Шайна? — Данита сразу подскочила к Мирре и Дин и взяла обеих за руки. Девушки удивлённо посмотрели на принцессу, переглянулись с недоумением — и она почувствовала дикую обиду. Неужели не ожидали, что она придёт спросить о Шайне? Ну да, Данита всегда относилась к ней скептически, но не настолько же, чтобы игнорировать в подобной ситуации.

— Мы не знаем, — вздохнула Дин. Веки у неё были красными, щёки — слегка влажными, и сразу становилось понятно, что дочь ректора недавно плакала. — Магистр Дарх унёс её в эту палату, потом вошли ма... то есть профессор Арра-

но и дартхари Нарро. С тех пор они не выходили. Дежурный врач тоже пытался зайти внутрь, но дверь не открывается.

— Я много читала про инициацию, — вмешалась одна из целительниц, серьёзная девушка в очках с толстыми стёклами. Данита помнила, что по боевой магии звёзд она не хватала, но больше ничего в голову не приходило — ни имени, ни фамилии. — Тема моей курсовой работы как раз с ней связана. У Шайны пробудился Огонь, поэтому она начала сжигать себя, в таких случаях выживают очень редко. Однако, если профессор Аррано и остальные успели изолировать вспыхнувший Источник, усыпить Шайну и надеть браслеты для блокировки, шанс есть. Правда...

— Что? — нервно спросил Коул, и целительница отчего-то покосилась на него с неодобрением.

— Для того, чтобы вновь стать магом, Шайне придётся приручить свой Огонь. Ну или всю жизнь ходить с браслетами. Иначе, как только их снимут, она вновь попытается сжечь себя.

— А был вообще хоть кто-то, приручивший инициированный Огонь? — пробормотала Мирра, хмурясь. — Что-то я не помню.

— За всю историю магии это удалось только одному человеку. Её звали Триш Лаира.

Коул побледнел и закусил губу, Дин и Мирра вновь переглянулись, а Данита попыталась вспомнить, где слышала это имя раньше, но у неё это так и не вышло.

— Мне кажется, Шайна сможет приручить Огонь, — сказала принцесса с твёрдостью, которой сама от себя не ожидала. — Кто, если не она?

— Удивительно слышать от тебя такое, — покачала головой Мирра, и Данита отвела взгляд. Отчего-то было стыдно.

— Шайна — хороший маг. Она за два месяца достигла таких успехов в боёвке, над которыми я билась с год, если не дольше.

— Хорошей быть мало, — перебил принцессу Коул, бросив на дверь в палату быстрый взгляд, полный отчаяния. — Чтобы приручить Огонь, необходимо быть лучшей.

Эмирин Аррано

В течение десяти минут Нарро молча сидел, положив ладонь Шайне на лоб и закрыв глаза, и пока муж погружался в чужое сознание, Эмирин вся извелась. Оттого, что она не способна применить к Шайне собственную магию Разума, ректор ощущала непривычное бессилие. С Триш, несмотря на то, что у неё произошла инициация сразу всех Источников, всё было гораздо проще.

Наконец Нарро открыл глаза, и Дрейк, каменным изваянием простоявший всё это время рядом с Эмирин, тут же выпалил:

— Ну как?

— Девочка ушла очень далеко, — сказал Нарро, подняв

голову. Взгляд его был серьёзным и тяжёлым. — Она не хотела жить, поэтому практически провалилась за грань. Мы едва успели.

— Едва? — переспросил эльф, делая нервный шаг вперёд. — Но успели?

Нарро кивнул, и Дрейк резко, с облегчением выдохнул.

— Ты рано радуешься. Я вытащил её сознание из предсмертия, и через несколько часов она очнётся. Но это не отменяет того факта, что жить девочка не желает.

— Неужели она настолько его любила? — пробормотал Дрейк с недоумением, и Эмирин возмущённо на него посмотрела.

— Думаю, этот вопрос излишен. Посмотри на неё. — Нарро кивнул на бледную, осунувшуюся Шайну с тонкими полосками антимагических браслетов на руках. — Обычно инициированные сжигают окружающее пространство, она же направила Огонь исключительно на себя. Хотела сгореть вместе с ним.

— И что делать? — Дрейк нахмурился. — Снимем браслеты — опять займётся самосожжением.

— Снимать браслеты можно только после того, как она захочет жить. Неважно, насколько сильно. Пусть это будет небольшое желание, но его хватит. И у тебя есть шанс его пробудить, Дрейк.

— Ты меня ни с кем не путаешь? — Эльф недоверчиво смотрел на Нарро, и тот пояснил:

— Я вытащил сознание Шайны, используя твоё имя. Оно было третьим по счёту, но первые два использовать было нельзя — они не настоящие. Третьим именем Шайна назвала твоё. Это что-то, но значит.

Судя по лицу, Дрейк был в абсолютном шоке, и Эмирин бы посмеялась, но сейчас ситуация совсем не располагала к смеху.

— Ри, — Нарро посмотрел на неё — строго, с осуждением, и она сразу поняла почему, — давай выйдем, надо поговорить.

— Хорошо, — она кивнула. — Дар, останешься с Шайной? Мы ненадолго отлучимся.

— Да-да, конечно, — пробормотал Дрейк, не отрывая шокированного взгляда от лица своей дочери.

Они перенеслись в кабинет Эмирин, и Нарро сразу обнял её, крепко и страстно, жарко поцеловал — до сбившегося дыхания и саднящих губ, — а затем прошептал, касаясь щеки тёплой ладонью:

— Почему вы ничего не объяснили ей?

— Я думала, ты будешь ругать меня, — вздохнула Эмирин и потёрлась носом о ладонь мужа, вдыхая родной и самый любимый запах. — Ты так смотрел...

— Не буду. Я понимаю, что это решение Велдона, а не твоё. Но всё же, я хочу знать — почему? Девочка чуть не погибла, но этого ведь можно было избежать.

— В субботу он признался, рассказал, кем на самом деле является. После этого Шайна ушла и с тех пор не возвращалась. Он решил, что не нужен ей.

— Настолько не нужен, что она захотела умереть вместе с ним? — Нарро печально улыбнулся. — Дети, какие же они дети... Он ещё не знает?

— Нет.

Нарро молчал несколько секунд, задумавшись.

— Не расскажет, как считаешь?

— Вряд ли. — Эмирин мотнула головой. — Теперь, после всего случившегося, он будет считать себя виноватым и ещё больше уверится, что Шайне лучше не знать правду.

Нарро поморщился.

— Она и сама сможет понять эту правду, если хорошенько подумает. Так будет даже лучше. — Эмирин поцеловала мужа в щёку, в губы, вздохнула и призналась: — Я ужасно соскучилась.

Он моргнул, посмотрел на неё — и золотой ободок вокруг зрачка расширился, заняв всю радужку так, что глаза полностью пожелтели. Обжёг взглядом, заставив резко выдохнуть и облизнуть губы, и прорычал:

— Я тоже.

А затем подхватил на руки и понёс к дивану.

Шайна Тарс

Первой, даже до сознания, ко мне вернулась боль. Всё тело ломило и горело, будто я получила ожог или с меня живём содрали кожу. Я дёрнулась, попытавшись пошевелиться, но обнаружила, что не ощущаю ни рук, ни ног. Я чувствовала боль, а пошевелиться не могла. Жуткое состояние, пугающее до дрожи, но дрожать тоже не получалось.

А дышать? Да, кажется, я дышала, иначе откуда эта жгучая боль в груди? Но больше ничего. Ни глаз открыть, ни сжать пальцы на руках в кулаки, ни спросить, что со мной.

Действительно, что со мной? Последнее, что я помнила, — как мы идём на занятия по физподготовке. Делаем упражнения, бежим, и рядом принцесса... А после — провал. Пустота. Что же случилось? На академию напали? Очередное покушение на наследников? Живы ли они? И...

Я отчётливо ощутила, как на лбу выступила ледяная испарина, охладив будто бы обожжённую кожу. Я не чувствую своей магии... совсем, абсолютно! Я словно не маг, а человек без капли дара! Что это? Я выгорела?!

На этот раз, видимо от испуга, дёрнуться всё же получилось, и с моих губ сорвался невнятный стон.

— Шани, малышка... — Голос Дрейка был странным, сиплым и словно полным страха. — Очнулась... Я сейчас дам тебе воды. Не бойся, ты поправишься, это всё временно...

Временно? Что именно? Почему я не чувствую свою магию?!

Холодное стекло коснулось губ, и в рот полилась медленная и тонкая струйка чистой воды, сладкой и прохладной. Я сразу её узнала — это была вода из того ручья в парке императорского дворца. Но к чему она мне сейчас? Она пополняет резерв, а я чувствовала себя так, будто у меня нет никакого резерва. Или он просто опустошён до предела? Я ни разу не пользовалась силой так, чтобы вычерпать всё досуха, поэтому не представляла, как должны ощущать себя маги, которые истратили магию до капельки.

Вода ничего не изменила, сила не вернулась. Только горло стало меньше болеть, а лёгкие — гореть, и глаза я наконец смогла открыть.

Дрейк склонился надо мной, и видела я его мутно, но и того, что могла разглядеть, оказалось достаточно, чтобы понять — выглядит эльф отвратительно. Наверное, как-то так выглядят люди, которых сначала проглотит, а потом, пожевав, выплюнет какое-нибудь чудовище, признав — несъедобен. Слишком горький.

По ладоням пробежались иголки — я начала чувствовать руки. А следом пришло понимание... я в антимагических браслетах. Что? Но почему?!

Видимо, что-то изменилось в моём лице, потому что Дрейк вдруг наклонился совсем низко, прижался своим лбом к моему и прошептал с горячим убеждением:

— Шани, это всё ненадолго. Ничего страшного, не волнуйся, ты не потеряла магию, даже наоборот. Мы их снимем

через пару дней, обязательно...

Даже наоборот?

Наоборот. Даже наоборот...

Я сглотнула. Память возвращалась краткими вспышками, и вслед за ней пришла невыносимая, дикая, безумная боль, по сравнению с которой всё, что я испытывала ранее, казалось комариным укусом.

Норд...

Нет, нет, это неправда. Дурной сон. Я сейчас закрою глаза, а когда открою их, то буду лежать в своей комнате в общежитии, рядом будут смеяться Дамир и Дин, а я буду смотреть на них и безмолвно улыбаться.

Я зажмурилась. Белки глаз саднило, словно они были расцарапаны и теперь кровоточили, и ресницы набрякали не слезами, а кровью.

— Думаю, достаточно, — негромко сказал кто-то рядом, и я узнала голос дартхари Нарро. Но что-либо подумать на эту тему не успела, провалившись в сон без сновидений.

Наследный принц Дамир

Ждать, когда из палаты выйдет хоть кто-то, пришлось долго. Так долго, что две девочки-целительницы, которые пошли с наследником и Дин изначально, всё-таки ушли на обед, но Коул и Данита остались. Почему оставался эльф, Дамир понимал. А Данита? Ему было сложно это осознать,

особенно сейчас, когда сердце сжималось от боли за дядю Велдона и страха за Шайну. Дамир слишком хорошо понимал, что подруга оказалась в очень непростой ситуации. Да, выжила, но сможет ли она остаться магом? И сколько необходимо времени на то, чтобы восстановиться?

Щёлкнул замок, и на пороге возникла Эмирин. Наследник сразу понял, что она вышла именно к ним, чтобы поговорить — иначе просто перенеслась бы туда, куда ей было нужно.

— Шайна будет спать до завтрашнего утра, — произнесла ректор, спокойно оглядывая собравшихся. — Если хотите навестить её, приходите после завтрака.

— Хотим, — сказали хором, а затем Коул озвучил вопрос, который волновал сейчас всех:

— Профессор, каковы шансы, что Шайна... сможет присоединиться к учёбе?

Эмирин внимательно посмотрела на эльфа и ответила так же спокойно:

— Огонь — самый капризный из Источников. Приручить его непросто. Однако сила не даётся без возможности её использовать. У Шайны есть потенциал для того, чтобы приручить Огонь, и если она постарается — сможет.

— То есть шансы велики? — уточнил Коул и помрачнел, когда Эмирин качнула головой.

— Я не говорила такого. Всё зависит от желания самой Шайны и её стараний. Шанс есть, этого должно быть достаточно. — Ректор перевела взгляд на Дамира и Дин. — Воз-

вращайтесь в свои комнаты, здесь до завтра делать нечего.

Дамир кивнул, понимая, что Эмирин наверняка придёт чуть позже, чтобы обсудить дальнейшие действия. Эрамир не может оставаться без императора, значит, должна состояться коронация...

Даже думать об этом было тошно.

Данита отчего-то не пошла к себе, а отправилась вместе с Дамиром и Дин в их комнату. Просить её уйти было неловко, да и не было желания. По правде говоря, Дамиру хотелось поговорить с сестрой, искренне и по-настоящему, вспомнить дядю... но он не мог вымолвить ни слова из того, что вертелось в голове.

Заговорила сама Данита, как только они простились с мрачным Коулом и вошли в комнату.

— Я просто не хочу идти к соседкам, — вздохнула сестра, аккуратно сядя на идеально заправленную покрывалом кровать Шайны. Дамир знал: в том случае, если студент не заправит кровать, это сделает сама академия, и многие пользовались подобной возможностью, но только не Шайна. Она всегда и всё убирала сама. А вот Данита — в этом наследник был уверен — вряд ли. — Начнут расспрашивать, а я... не хочу говорить с ними.

— Они тебе не нравятся? — спросила Дин, а Дамир попытался вспомнить, что у сестры за соседки, но толком не вышло. Обычные девчонки с боевого факультета, в меру се-

рѣзные, в меру болтливые.

— Нормальные, — Данита пожала плечами, — но не сегодня. Мне бы сейчас пригодился брат, так хочется с ним пообщаться. Знаете, — она вдруг желчно усмехнулась, — что сказал Коул? Дамир, говорит, обязательно прибежит тебя утешить, вот так ты и узнаешь, под какой маской он прячется.

Наследник по-настоящему обалдел.

— Что-о-о? — протянул он, глядя на сестру с недоумением. — И давно этот эльф даёт тебе советы, как поймать Дамира?

— Давно, — без стеснения кивнула Данита. — А я ему советовала, как увлечь Шайну. Но что-то, по-моему, у нас не задалось, ни у него, ни у меня. Шайна на Коула смотрит как на пустое место, а я до сих пор без понятия, где всё-таки Дамир.

— Так это хорошо, — грустно усмехнулась Дин. — Иначе маме и имп... да... — Она запнулась, вздохнула, и у наследника заныло сердце. Думать о дяде было очень больно. — Пришлось бы выдумывать новый план. Возможно, более рискованный.

— Всё равно придётся! — воскликнула сестра горячо. — Сейчас, когда дядя погиб, Эмирин уже не сможет скрывать Дамира!

Наследник и Дин осторожно переглянулись: они думали о том же самом, не высказывая пока ничего вслух. Оба пред-

полагали, что позже всё объяснит Эмирин.

— Верно, ваше высочество.

Вздрогнув от неожиданности, Дамир, как и Дин с Дани-той, обернулся и обнаружил, что возле входной двери стоит ректор. Когда она успела войти и какое время находилась здесь, слушая их разговор, было непонятно, но заметили они её только сейчас.

Эмирин прошла дальше и села на постель рядом с дочерью. Улыбнулась удивлению присутствующих и продолжила:

— Дамир должен быть на коронации. Потом он сможет продолжать учиться, по указу императора Велдона до конца учёбы в академии помогать ему в управлении государством будет регент.

— Кто? — хором спросили присутствующие, и Эмирин спокойно ответила:

— Я.

В комнате на несколько секунд повисло ошеломлённое молчание.

— А-а-а... — в конце концов протянул Дамир, не спеша радоваться тому, что скоро вновь станет собой: что-то во всём этом его смущало. — А как же покушения?!

— Организатор погиб. «Огненный цветок» — заклинание, убивающее и жертву, и творца. Эльф, который его создал, хотел отомстить императору. Его первоначальным планом, по-видимому, было уничтожение всех родственников Велдона, а затем уже самого императора, но он передумал.

Трудно сказать, из-за чего. Скорее всего, долго не мог найти Дамира, Даниту убить не получилось, да и академия — надёжная защита. А тут парад и такой удобный случай.

— Значит, теперь бояться нечего? — выдохнула Данита, порозовев от радости. — И я скоро увижу брата?

— Обязательно.

Наследник приоткрыл рот, чтобы задать вопрос, когда можно сбросить маску Мирры, — но горло перехватило. Странно, если всё так, как говорит Эмирин, зачем до сих пор сдерживать ему возможность говорить о себе как о Дамире? Чтобы Данита не узнала, кем он был в академии? Но она всё равно узнает, догадается, как только Мирра исчезнет!

Однако поинтересоваться, в чём дело, не было возможности, и Дамиру приходилось ждать. Возможно, тётя Эм скажет что-то иное, когда Данита уйдёт?

Так и вышло. Сестра, повеселев после всех новостей, решила всё же пойти к себе, чтобы чего-нибудь съесть и выпить чаю — обед они пропустили, а ужин был ещё далеко, — и как только за ней закрылась дверь, Эмирин тут же произнесла с мягкой настойчивостью:

— Всё не совсем так, как я преподнесла Даните, волчата.

— Так я и знала, — пробормотал Дамир почти неслышно, и ректор грустно улыбнулась.

— Мы не можем посвятить твою сестру в истинный план, это слишком опасно. Да, до сих пор опасно. Тебе придётся побыть Миррой ещё немного.

И почему он не удивлён...

— А кто?..

— Кто будет тобой? Один из сотрудников полковника Корзо — «хамелеон». Очень талантливый мальчик, вы с ним уже немного знакомы. — Глаза Эмирин лукаво блеснули. — Вы знаете его под именем Эвана Лэйга. Но, конечно, на самом деле его зовут иначе.

От удивления Дамир чуть с кровати не свалился, да и Дин выглядела так, словно ей в макушку ударила молния.

— Что-о-о? — протянули оба, и ректор фыркнула.

— Вы всё верно расслышали, волчата. Настоящий Эван сейчас находится в Гротхэме, и даже под собственным именем, и будет находиться там, пока всё не закончится. Его отец — сотрудник Тайной службы, помог нам с личиной для «хамелеона».

«Хамелеонами» называли редких и ценных агентов Тайной службы, которые постоянно перевоплощались в других людей при помощи артефактов. Однако представить, что лёгкий и весёлый третьекурсник — «хамелеон», совершенно другой человек, который всё это время играл роль Эвана Лэйга, оказалось безумно сложно.

— Ему понравилась Данита? — удивлённо спросила Дин, и Дамир внезапно вспомнил — а ведь действительно, этот «хамелеон» ухаживал за его сестрой!

— Нет, — покачала головой Эмирин. — Ему было дано задание охранять принцессу и её ближайших друзей, но для

этого нужно было сблизиться с кем-то из вас. Поначалу он пытался сделать это через тебя, Дин, прости.

— Мама! — возмутилась девушка, слегка покраснев. — А если бы я...

— Глупостей ты бы не наделала, да и влюбляются оборотни нелегко, так что опасений у меня не было. Кроме того, мне нравится Оливер — так его зовут, — он исключительно порядочный мальчик, и это вторая причина, по которой я не останавливала его ухаживания. Он остановился сам, сказал, что у тебя нет к нему интереса, зато есть у принцессы, и преключился на неё.

— Тётя Эм, — поморщился Дамир, — мне всё это ужасно не нравится. Данита не то чтобы дорожит Эваном, но...

— Она не влюблена в него и легко переживёт его отъезд в Гротхэм. Я понимаю тебя, Мир, но и ты постарайся понять — вам нужен был дополнительный пригляд.

Наследник вздохнул. Принять то, что можно вот так спокойно играть чувствами людей — пусть неглубокими, но чувствами же! — ему было нелегко. Однако он знал, что со временем смиритсся с подобным, как и дядя Велдон.

Дядя...

— Значит, этот Оливер будет теперь играть роль Дамира... Тётя Эм, ты думаешь, он сможет?

— Сможет, — кивнула Эмирин. — Чуть позже я вас с ним познакомлю, это необходимо.

— Мам, — перебила её Дин, — получается, опасность

всё-таки не миновала? Организатор заговора не погиб?

— Нет, волчата. Поэтому я по-прежнему прошу вас быть осторожными. — Ректор поднялась с постели. — Сейчас я пойду, загляну вечером вместе с Оливером. Обязательно сходите на ужин, и так уже обед пропустили.

Когда Эмирин ушла, Дамир и Дин ещё долго сидели и молчали, просто глядя друг на друга и не зная, что сказать. Дамиру казалось: если он нарушит это молчание первым, то обязательно закричит, пытаясь выгнать из себя боль, которая до сих пор разрывала его на части.

Наверное, что-то такое Дин поняла по его глазам, потому что в конце концов перелезла к нему на кровать, обняла, уткнулась лицом в грудь — и Дамир наклонился, пряча в её волосах искажившееся от наконец пролившихся слёз лицо.

Глава 2

Эмирин Аррано

Большой бальный зал, в котором должен был состояться торжественный обед в честь Дня объединения, был полон представителей всех рас. Никто не разговаривал, и вокруг царила такая тишина, что, казалось, было слышно, как в воздухе кружатся немногочисленные пылинки.

Эмирин обвела глазами присутствующих. Почти все были бледными и взволнованными — всё же не каждый день действующий император погибает в огне смертоносного заклинания прямо на параде. Хорошо, что она сама этого не видела — хватило рассказов Нарро.

Эмирин медленно вошла на пьедестал, приблизилась к двум тронам, предназначенным для правящей четы, один из которых пустовал всё время правления Велдона, но садиться не стала — обернулась к тем, кто ждал, что она скажет, нервно следя за каждым её движением.

— Я — голос почившего императора, — начала Эмирин, и на слове «почившего» не выдержала, зябко повела плечами. Пожалуй, до такой степени она не завиралась ещё ни разу в жизни. — Его величество Велдон поручил мне объявить вам свою волю в том случае, если с ним случится непоправимое, и я выполняю наказ. Наследник императора — его

высочество Дамир — будет представлен делегациям завтра в полдень. Понимаю, многие планировали уехать сегодня, но придётся немного подождать. Коронация состоится в субботу. Однако, поскольку его высочество в данный момент проходит учёбу в Лианорской академии магии, до её окончания выполнять обязанности императора будет регент. — Эмирин вытянула руку, и на ладони возник свиток, скреплённый гербовой печатью. — Это указ его величества Велдона, в котором он назначает регентом при принце Дамире меня, дартхари Эмирин.

Никто не удивился — такая практика была распространена и раньше. Регентами могли становиться представители Старших лордов, а Эмирин, хоть у оборотней официально и не было аристократии, считалась одной из них.

— Дартхари, — раздался голос из толпы, и ректор отыскала взглядом говорившего. Это был Риланд. Спокойный, сосредоточенный, традиционно одетый во всё чёрное, с убранными в хвост длинными серебряными волосами. — Думаю, остальные меня поддержат — мы хотели бы знать, что случилось на площади, кто организовал покушение, не стоит ли наследнику быть аккуратнее и отложить коронацию?

Присутствующие энергично закивали, а Повелитель светлых эльфов добавил:

— Что случилось на площади, мы примерно представляем — все знакомы с заклинанием «огненный цветок» и его последствиями. Но стоит ли нам ждать продолжения поку-

шений?

— Не стоит, — вкрадчиво ответила Эмирин. — Полковник Корзо уже выяснил, кем был погибший маг. Он добился своей цели. Пособников, по крайней мере сознательных, у него не имелось.

— И кто же это был? — пробасил король гномов и дёрнул себя за пышную бороду. У них с Велдоном всегда были хорошие дружеские отношения, поэтому Эмирин предполагала, что до завтрашнего полудня гномья делегация изрядно опустошит запасы вина в замке.

— Принц Эдриан, сын Повелителя Риланда, — объявила она громко и добавила: — Изгнанник, разумеется.

Если до этого момента в зале стояла тишина, то теперь все загалдели, переговариваясь и обмениваясь изумлёнными взглядами. Большинство смотрели на Риланда, который, недовольно поджав губы и скрестив руки на груди, стоял гордо и прямо.

— Возможно, многие забыли, — сказал он голосом, которым можно было превращать воду в лёд, — но мой сын был изгнан из Эйма десять лет назад за организацию заговора против меня. Затем он пропал, и мы думали, что он погиб. Видимо, ошиблись.

— Ошиблись, — кивнула Эмирин. — Именно Эдриан, ненавидевший императора Велдона, и был инициатором покушений на Альтерров. В последнее время у полковника Корзо появились доказательства, что Эдриан жив, на его

след напали, несколько раз едва не поймали. Видимо, это сыграло свою роль, и он решил форсировать план, тем более что парад весьма удобен для применения заклинания, подобного «огненному цветку».

— Но он же погиб? — с надеждой уточнил Повелитель светлых эльфов, косясь на Риланда. — Правильно мы понимаем?

— Да. После «огненного цветка» никто не выживает.

И вновь молчание. Тяжёлое, тягостное. Но недолгое.

— Могу я узнать, — вновь подал голос Риланд, — что с проклятием рода? Оно по-прежнему действует?

— Нет, — вздохнула Эмирин, безумно жалея, что и на этот раз отвечает неправду, — накануне парада его величеству удалось его снять.

— Хотя что-то хорошее, — пробормотал король гномов, и Эмирин сдержала усмешку.

Через несколько минут из тронного зала все переместились в зал обеденный. Почти все — Риланд, как она и предполагала, остался стоять на месте, ожидая, пока окружающие покинут помещение, и, как только это случилось, пошёл вперёд, но замер возле пьедестала и заговорил с куда большим волнением, чем раньше:

— Аля, ты уверена, что заклинание творил действительно Эд? Я, конечно, помню, как он злился на Велдона из-за Риш, но...

— Уверена. — Эмирин было неуютно здесь, рядом с тронами, поэтому она сошла с пьедестала и остановилась рядом с нижней ступенькой, не делая попытки приблизиться к Риланду. — А вот ты уверен, что помнишь все события последних месяцев?

— Уверен, но в противоположном — я помню далеко не всё. — Он качнул головой, поджав губы. — Подчинение Крови, верно? Эд каким-то образом провёл надо мной ритуал и получил способность управлять моим сознанием. Других объяснений я не вижу. Но как ты догадалась? Подчинение не оставляет следов, это же не проклятье.

— Несколько недель назад я пришла к тебе в лабораторию, и ты назвал меня Эм.

— О, — Риланд хмыкнул, — да, действительно, серьёзный прокол. Он не мог знать, что я называю тебя иначе. Мелочь, но...

— Я не стала тогда скрывать, что поняла, кто передо мной. Спросила, он ли убил Триш, и получила подтверждение.

— Если бы я ещё понимал, зачем Эдриан это сделал. — Повелитель тёмных эльфов нахмурился, задумчиво глядя куда-то на стену за головой Эмирин. — Он ведь... любил её. По-настоящему, не как сестру.

— Сестёр тоже любят по-настоящему.

— Ты же понимаешь, о чём я говорю. Эд смотрел на Риш не как на сестру, это было заметно, и ей в том числе. А она выбрала Велдона, который её не любил. Более того...

— Рил, — перебила его Эмирин, не желая в очередной раз слушать претензии к Велдону. За двадцать лет она их столько наслушалась, что уже уши болели. — Эдриан хотел забрать то, что было Велдону дороже всего, — трон. Риш могла помешать, она знала об этом плане, поэтому сбежала. Точнее, еле ноги унесла от него в ту ночь, когда прокляла Велдона и чуть не убила меня. Думаю, именно тогда Эд и предложил ей мсть — забрать трон, убить родственников, а затем и самого Велдона. Но мстить она не захотела.

Риланд слушал серьёзно и внимательно, и ни один мускул на его лице не дрогнул. Эмирин знала, что всё это — почти правда, если не брать во внимание имя того, к кому заявила Триш в ту роковую для всех ночь. Конечно, это был не Эдриан. Перед братом ей было бы слишком стыдно. Она пошла к тому, перед кем ей не было стыдно, и поплатилась за своё решение сполна.

— Триш — мстить? — вздохнул Риланд, покачав головой. — Глупо со стороны Эда было предлагать ей такое. Она никогда в жизни не стала бы мстить.

— Есть и другой вариант. Возможно, он предложил ей применить кровный приворот и влюбить в себя Велдона. Заодно сдал свои дальнейшие планы по занятию императорского трона.

— На ней было Подчинение? Или нет?

— Скорее всего, нет, но даже если да — в ту ночь она его разорвала. Это нелегко, но возможно, если разорвать связи

с родом, отказаться от имени. Ты же говорил тогда, что стал ощущать Риш как мёртвую.

— Да. А ты не верила...

— Я и сейчас не верю, — призналась Эмирин с грустной улыбкой. — Ни про Триш, ни про Велдона. Тем более про Велдона... Хорошо, что я не видела, как он горел.

— Безусловно. Хотя там не было ничего страшного, просто с одного из окружающих площадь зданий сорвался огромный цветок из огня, пролетел площадь и опустился на императора бутоном вниз. Даже красиво, если не знать, что это.

— Если не знать, что это... — эхом повторила она. — Наверное. Пойдём обедать?

— Да. Кстати, как Дамир?

На этот раз она ответила честно.

— Ему сложно, но он выдержит.

— В конце концов во всём этом есть и положительное — больше покушений не будет, проклятье снято, можно жить дальше, — заметил Риланд нарочито бодрым голосом, двигаясь по направлению к выходу из тронного зала. — Так что... Хорошего перерождения Велдону.

— Хорошего перерождения, — тихо повторила Эмирин традиционную фразу и порадовалась тому, что Риланд идёт впереди спиной к ней и не видит, как её перекосило.

Наследный принц Дамир

За ужином в столовой царило тягостное молчание. Почти никто не разговаривал и уж тем более не смеялся, многие косились на бледную и мрачную Даниту, да и на пустующее место Шайны посматривали. О том, что произошло на стадионе, знали уже все без исключения, и Дамир не представлял, как другие студенты, не подозревающие о знакомстве Шайны с императором, объясняют её внезапную инициацию после известия о смерти его дяди. Скорее всего, эти события всё же не связывают — слишком невероятная история. Думают, у неё что-то случилось просто само по себе.

— Кстати, — сказал вдруг Эван, на которого Дамир в этот вечер вообще старался не смотреть на всякий случай, — я забыл вам сообщить. Хотя сейчас, наверное, не время, но... В общем, через неделю я уезжаю в Гротхэм до конца года. По программе обмена студентами и преподавателями. От нас едут десять студентов и пять преподавателей, от них тоже.

Больше всех была шокирована Данита, она даже побледнела ещё сильнее.

— А-а-а... — протянула жалко, растерянно, — а почему в середине года? Я думала, все подобные программы уже завершились...

Вот интересно, что ответит этот «хамелеон»?

А ничего он не ответил. Что же, грамотно — не знаешь, что врать, так и говори, что не знаешь.

— Понятия не имею, — пожал плечами Эван — не Эван.

— Это не у меня надо спрашивать. Мы с неделю назад анкеты заполняли, тестирование проходили, меня выбрали как одного из десяти. Отказаться я не могу, по крайней мере без уважительной причины. «Не хочу ехать» — причина не уважительная. Да ладно, что вы так скисли? Это же не навсегда, в следующем сентябре обратно вернусь.

Данита жалобно шмыгнула носом.

— Я буду скучать, — призналась она, да так искренне, что и у Дамира, и у Дин, и даже у Эвана вытянулись лица. — Я к тебе привыкла...

Лица тут же втянулись обратно. «Привыкла». Шикарное признание в любви, но, как теперь понимал Дамир, «хамелеону» так было даже легче, иначе совесть бы заела. Ну, если она у него вообще есть. Всё же подобные перевоплощения, скорее всего, предполагают почти полное её отсутствие.

— Нит, ты оглянуться не успеешь, как я вернусь, — сказал Эван успокаивающе, взял Даниту за руку и поцеловал ладонь. Нежно, но без лишнего трепета. — Да и преподаватели не дадут заскучать, столько назадают, что вообще забудешь меня через пару месяцев.

Судя по взгляду, он в этом не сомневался — забудет. И самое гадкое, что Дамир тоже так думал: не станет Данита долго печалиться, найдёт себе другого обожателя. Интересно, это будет очередной «хамелеон» или тётя Эм на этот раз даст сестре возможность выбрать настоящего ухажёра?

После ужина Дамир и Дин отправились гулять в парк академии и почти всё время прогулки молчали, шагая рядом, но не под руку — чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов. Хотя по дороге им на удивление никто не попался, и у Дамира было подозрение, что это подарок от Эмирин, которая специально сделала так, чтобы их прогулка прошла спокойно и без свидетелей. Хотя какой уж тут покой...

Дамиру казалось, что в сердце, как в раскрытую ладонь, вонзилась острая заноза, но выдернуть её не было возможности. А ещё наследник чувствовал себя обнажённым, беззащитным — теперь, когда не стало дяди Велдона, который, чего уж греха таить, всегда решал их с Данитой проблемы. Нет, не баловал, по крайней мере Дамира, но и не давал погрузиться в тот кошмар, в котором жил сам. А ведь он действительно жил в кошмаре, теперь это стало особенно понятным. Раз для того, чтобы вырваться оттуда, дядя решил обманывать Шайну и называл себя хранителем библиотеки. Наверное, он спасался этим обманом, прятался в нём от отчаяния и безысходности, сейчас Дамир это понимал. Но толку? Больше не поговоришь с дядей, не пожагуешься ни на что, не попросишь о чём-нибудь.

Ещё и коронация эта... Получается, что она будет без Дамира, с подставным лицом, и наследник бы соврал, если бы сказал, что его этот факт совершенно не волнует — подумаешь, какая разница, на чью макушку наденут венец? Но нет. Разница есть. Начинать правление с подобной лжи...

Правление. О Дарида, неужели он действительно станет императором? По сути, он уже им стал, остались одни формальности.

— Когда умер мой отец, — сказал Дамир негромко, сам удивляясь тому, что заклинание Эмирин не закрывает ему рот, — его тело по традиции всю ночь стояло в храме, и я пришла туда в два часа ночи — спать было невозможно, поэтому я решила пойти к отцу, попрощаться. Но там уже был дядя, сидел на какой-то колченогой табуретке, которую непонятно где взял — в храме же сидеть нельзя. А он сидел. На табуретке. И держал отца за руку. А когда я пришла, встал, усадил на неё меня и начал рассказывать об их совместном детстве — только смешное, не грустное, и я не могла удержаться от смеха. И слёз. Они градом из меня хлынули, но за смехом это не было заметно. Знаешь, я только сейчас поняла — он это всё специально сделал. Хотел, чтобы я заплакала, чтобы стало легче, и дал мне эту возможность, рассказывая смешные истории. И чтобы не было стыдно за слёзы...

Дин вздохнула и всё-таки взяла Дамира за руку. Какая разница, если они одни на этой аллее?

— Жаль, что я не была с ним знакома.

— Мне тоже, — прошептал он, ласково сжимая её пальцы.

Эмирин пришла за десять минут до отбоя. Вытащила амулет Дамира, вернув наследнику настоящий облик, дала одеж-

ду, наказала быстро переодеться, и вновь ушла.

Вернулась она ещё через десять минут, уже после того, как прозвучал сигнал к отбою. С треском сработал амулет переноса, и из разлома в комнату шагнули ректор и незнакомый мужчина. Взрослый, намного взрослее Эвана, но всё-таки молодой — лет тридцати пяти, — и не светловолосый, а ярко-рыжий, с россыпью веснушек по всему лицу. Эта яркость была настолько неожиданной, что Дамир почувствовал, как у него от удивления начинает дёргаться глаз. Хотя казалось бы — что тут такого? «Хамелеон» мог выглядеть как угодно. Но подобной рыжести от не-Эвана он почему-то не ожидал.

— Знакомьтесь, это Оливер, — произнесла Эмирин, останавливаясь посреди комнаты. Её спутник встал рядом и поклонился Дамиру, как подобало кланяться наследнику, но ещё не императору. — Обойдёмся без фамилии.

— Добрый вечер, — поздоровался «хамелеон», выпрямляясь. Голос у него был приятный, словно бархатный, и вкрадчивый настолько, что Дамиру подумалось — у этого сотрудника Тайной службы должен быть позывной «Лис». И за рыжесть, и за всё остальное. Даже от Шайны он никогда не слышал подозрений о личности Эвана!

— Добрый, — сказала Дин вежливо, а Дамир просто кивнул.

— Мир, — продолжала говорить Эмирин, серьёзно глядя на обоих, — я привела Оливера не только для того, чтобы

ты с ним познакомился. Для достоверности образа, который ему придётся играть, нужны не только внешние данные. Поэтому...

Точно, как же он сразу не догадался? Тётя Эм хочет залезть к нему в голову.

— М-м-м, — протянул Дамир, непроизвольно ощущая, как по коже ползут колкие мурашки страха. — Я понял. И что же, он после этого вмешательства будет знать обо мне всё? И ты?

— Не всё. И не знать, а скорее ощущать. Двигаться как ты, отвечать как ты.

— А это не опасно? — тревожно спросила Дин, и ответил уже Оливер:

— Всё, чем мы занимаемся, опасно. И конкретно это — не более, чем остальное. Как мне объяснила дартхари, я никоим образом не стану принцем Дамиром. Я просто буду знать, как правильно играть его роль, что отвечать, как себя вести. После завершения задания, если останусь жив, дартхари уберёт из моей головы все эти знания.

— Ты оборотень? — выпалил вдруг Дамир, сам не понимая, отчего спрашивает подобное, но Оливер спокойно кивнул.

— Да, я рыжий волк.

— Сейчас это чувствуется, — пробормотала Дин. — А... ну, тогда... не ощущалось.

Девушка порозовела, и наследник с досадой понял, что

она имеет в виду свои поцелуи с поддельным Эваном. Интересно, насколько сильный волк этот Оливер, и неужели он понравился Дин? Всё же он оборотень, в отличие от Дамира.

Словно почувствовав, о чём он думает, Дин ткнула наследника локтем в бок, да так, что он чуть не охнул.

— Так ты согласен, Дамир? — уточнила Эмирин, едва уловимо улыбнувшись, когда он потёр пострадавшее место. — Мне необходимо твоё согласие.

— Не могу сказать, что я в восторге, но да, я согласен.

— Прекрасно. Тогда встань и иди сюда. Возьми Оливера за руки, посмотри в глаза... Раз... два... три... четыре... пять. Всё, можете расходиться.

Дамир не почувствовал ничего, кроме лёгкой щекотки в области лба, а вот у Оливера вспотело всё лицо, и когда наследник отпустил его ладони, мужчина зашатался. Эмирин подхватила его под локоть и помогла выпрямиться.

— Теперь тебе нужно поспать, — сказала она мягко и кивнула Дамиру с Дин. — И вам тоже. До завтра, волчата.

Через мгновение сработал амулет переноса, и наследник, как только фигуры ректора и её спутника исчезли, мгновенно повернулся к Дин.

— Он тебе понравился?

Сейчас это почему-то волновало сильнее всего. Но, в конце концов, в академии, кроме этого Оливера, больше не было оборотней!

— Мир... — Девушка закатила глаза. — Не выдумывай.

И пошли лучше спать. Между прочим, мама не вернула тебе внешность Мирры, так что...

— Дин, я сейчас не смогу. Не после...

— А я и не предлагаю. — Она вздохнула. — Но знаешь, прижиматься к мальчику всё же гораздо приятнее, чем к девочке.

— Мне наоборот.

— Само собой, — хмыкнула Дин, и они впервые за этот долгий день улыбнулись друг другу.

Шайна Тарс

Ни разу в жизни я не чувствовала себя настолько выпавшейся и отдохнувшей, и если бы не странное ощущение пустоты, вакуума, образовавшегося на месте сердца, то я даже радовалась бы подобному физическому состоянию. Но на радость я теперь вряд ли буду способна.

Я вспомнила, из-за чего чувствую себя опустошённой, сразу, как только проснулась и открыла глаза. Белый потолок лазарета ударил по зрачкам, подобно солнечному лучу, и я зажмурилась, ощущая влагу, выступившую на ресницах. Нет, я не плакала, да и не стану этого делать — к чему? В слезах нет никакого смысла, ими никого нельзя спасти, ничего не исправить.

— Лучше бы я сгорела, — прошептала я хрипло. Теперь я вспомнила огонь, который вырвался из меня, пытаюсь сжечь,

уничтожить то, что я в тот момент истово ненавидела. Себя саму.

Инициация... Несомненно, это была она. Тогда понятно, отчего на запястьях красуются блокирующие браслеты. Но непонятно, зачем было меня спасать?

— Не надо так говорить, — прошептал кто-то рядом и взял меня за руку. Спустя мгновение я узнала голос Дрейка. — Никто не был бы рад такому исходу, и он — тем более.

В другое время я бы смутилась, но не сейчас.

— Эмирин рассказала? — Я вновь открыла глаза и посмотрела на склонившегося надо мной магистра. Бледный какой... И чёрные глаза на узком белом лице смотрятся двумя потухшими углями.

— Да. Но я и сам бы догадался, если бы ты хоть раз назвала это имя — Норд.

Я вздрогнула — сердце как иглой прошило.

— Не надо... — простонала я, попытавшись закрыть лицо руками, но они не двигались. — Не говори... имя...

— Не буду. — Дрейк погладил меня по волосам тёплой ладонью и вздохнул. — Я хотел поговорить о другом. Инициация — это огромный выброс силы, выжить после неё не просто, но, если это случается, несколько дней маг чувствует себя плохо. Почти не может двигаться, как ты сейчас, с трудом ест. Нужно будет тренировать мышцы, чтобы вновь научиться всему привычному. А уже после попытаемся приручить твой новый Источник.

— Шутишь? — пробормотала я с недоумением. — Я прекрасно понимаю: если снять браслеты, Огонь сожжёт меня. Как его приручать? Это же не собачка. Да и ты владеешь только Тьмой, но не Огнём.

Дрейк ни капли не смутился.

— Поговорим об этом, когда встанешь на ноги и сможешь нормально ходить.

Мне хотелось сказать, что я не желаю ходить и мне бы просто умереть, но я промолчала. Умереть он мне не даст, уже понятно.

— И когда это будет?

— Нарро утверждает, что через пару дней, если будешь хорошо себя вести, достаточно есть и много спать. Со спать, я полагаю, мы точно справимся, а вот есть... Сейчас попробую тебя покормить.

— Я не хочу.

— Нужно, Шани, — сказал Дрейк строго, помог мне сесть, обложил со всех сторон подушками, затем взял со стола дымящуюся тарелку с кашей и зачерпнул полную ложку.

Следующие полчаса превратились в кошмар. Челюсть не слушалась, каша вываливалась изо рта, некрасивыми комками ложась на повязанный магистром слюнявчик, как у маленьких детей, а если мне всё же удавалось сглотнуть, то с огромным трудом и с жуткой болью в горле. Я будто не кашу ела, а пыталась прожевать опилки.

К концу тарелки я так устала, что даже пот на лбу высту-

пил, и когда Дрейк наконец снял с меня слюнявчик и помог вновь лечь, испытала огромное облегчение.

— Через пару часов, скорее всего, тебя придут проводить друзья, — произнёс он, поправляя подушку, и я едва не заинтересовалась, о ком речь, но потом вспомнила очевидный ответ и попросила:

— Только можно без Коула и принцессы? Я не хочу сейчас их видеть. Скажешь им, что для первого раза достаточно двоих посетителей?

— Без проблем. Шани, я ненадолго отойду, но скоро вернусь, и мы продолжим. — Что именно «мы продолжим», было непонятно, но я не стала переспрашивать. — Пожалуйста, не грусти.

Я равнодушно кивнула.

Не грусти? Да я и не грустила. Как может грустить мёртвое?

Дрейка не было примерно полчаса, и когда он вернулся, я отстранённо заметила:

— Я начала называть тебя на «ты».

— Я рад, — сказал он, едва уловимо улыбнувшись, но развивать тему не стал. — Теперь вот что... Как ты понимаешь, если ты будешь просто валяться в кровати, то не встанешь ни через два дня, ни через неделю. Необходимо работать. Сейчас мы сделаем с тобой кое-какие упражнения для разогрева мышц, ничего особенного или страшного, не волнуйся.

— Ладно.

Мне было безразлично, что он собирается делать. Я отстранённо наблюдала за тем, как Дрейк отодвигает в сторону одеяло, а затем начинает сгибать и разгибать мои руки и ноги, массировать пальцы, которые сейчас ничего не чувствовали и казались мне холодными, как ледышки.

Но через несколько минут холод начал уходить, сменяясь жаром и настолько болезненным покалыванием, что я не выдержала и застонала, пытаясь вырвать у Дрейка ногу.

— Больно? — Он обрадовался. — Это хорошо, Шани, а то я боялся, что у меня не получится. Я такого ни разу не делал. Врач объяснил как, но я опасался, что не справлюсь.

Я ничего не поняла и переспросила:

— Врач объяснил? А почему он сам не пришёл?

Дрейк ответил не сразу, молчал пару мгновений, и мне чудилось, что у него слегка порозовели щёки.

— Шани, я и так должен тебе очень много. Я не видел, как ты пошла, не слышал твоё первое слово, не дарил тебе подарков на день рождения, не вскакивал по ночам к твоей кровати, проверяя, не холодно ли тебе, не поднялась ли температура, не хочешь ли ты пить. Я не сделал для тебя вообще ничего, но сейчас у меня есть возможность сделать хоть что-то... Я не хочу её упускать.

Теперь щёки, наверное, порозовели и у меня.

— Спасибо, — пробурчала я, не зная, что ещё сказать, кроме благодарности. Хотя благодарна на самом деле не бы-

ла, я предпочла бы сгореть, и Дрейк, кажется, понимал это. Он просто кивнул и продолжил выполнять упражнения.

Дамир и Дин пришли в полдень, сразу после того, как магистр заставил меня выпить целый стакан кислящего морса через трубочку. Глотала я уже гораздо лучше, хоть и не идеально, и немного могла двигаться в пределах кровати, однако этот напиток пробудил воспоминания, от которых я старательно отгораживалась, и к моменту, как в палату шагнули друзья, я вновь погрузилась в мрачное отчаяние.

Мы ведь с Нордом тот морс так и не выпили...

— Шани, как ты? — спросил Дамир тихо, садясь на стул рядом с постелью. Дин же плюхнулась прямо на кровать и взяла меня за руку.

— Дерьмово, — ответила я честно. — Полагаю, ты тоже.

— Не настолько. — Он качнул головой, наклонился и взял меня за другую руку. — Я верю, ты справишься.

— Я не хочу справляться, — призналась я и тяжело замолчала. Я думала сказать, что даже не рада их видеть, но отчего-то не стала этого делать.

— Я тоже не хочу, — сказал Дамир спокойно, и я сразу поняла, о чём он говорит. — Много всего не хочу, но придётся. И тебе тоже придётся постараться. Если не ради себя или нас, то хотя бы ради него.

Я вздохнула, закрывая глаза. Впервые за последние сутки мне захотелось разреветься, слёзы клокотали в груди, словно

разрывая её на части, и я сжала зубы, стараясь, чтобы из меня не вырвалось ни всхлипа, ни слезинки. Не нужно, чтобы Дамир и Дин жалели меня сейчас. Ни к чему.

— Я заслужила всё, что произошло, — просипела я, вырывая свои ладони. — Он признался во всём, а я... просто отвернулась. Обиделась на него. За правду. Так глупо... И испугалась. Я была готова к Норду — сотруднику Тайной службы, но не... — Всклипнула, и Дамир с Дин вновь схватили мои руки. — Это подло. Если любишь, то любишь, несмотря ни на что — ни на статус, ни на положение, это всё неважно. И сейчас для меня так и есть. Если бы я поняла это раньше, а не теперь, когда уже ничего нельзя исправить...

Дин совсем легла на кровать, прижалась ко мне, обняла изо всех сил, и я уткнулась горячим лицом в её прохладную шею. Нет, не плакать... нельзя плакать! Нельзя жалеть себя, я этого не заслуживаю.

— Шани, он сам не хотел, чтобы ты возвращалась, — сказал Дамир глухо, продолжая сжимать мою руку. — Он понимал, как сложно будет рядом с ним, поэтому отпустил.

— Думаешь, он не надеялся, что я вернусь? Конечно надеялся. Но я предала его.

— Неправда, — горячо возразила Дин, — ты никого не предавала. Тебе просто нужно было время, чтобы подумать, но вмешалась судьба. Ты не виновата в том, что случилось, и Норд, я верю, не винит тебя ни в чём.

Вновь это имя... Оно отозвалось во мне как лопнувшая

натяннутая струна, и я задрожала, обнимая Дин одной рукой, а второй стискивая ладонь Дамира.

— Мы будем с тобой рядом, — говорил он тихо, и я ощущала, как его губы касаются моих пальцев. — Мы поможем тебе вновь начать жить. Ты должна жить, ты заслуживаешь жизни, и он тоже хотел бы, чтобы ты жила.

Они говорили поочерёдно — то Дамир, то Дин, — и всё об одном и том же, но эти слова, как ни странно, успокаивали меня, дарили странное умиротворение, и постепенно я цепенела, погружаясь в полусон-полудрёму, пока не уснула окончательно.

Глава 3

Шайна Тарс

Следующие несколько дней прошли однообразно. Я много спала, а когда не спала, то либо ела — точнее, Дрейк кормил меня с ложки, — либо лежала и смотрела в белый, как мел, потолок лазарета. Три раза в день магистр делал со мной упражнения по разогреву мышц, каждый раз добавляя что-то новое, и на третьи сутки, в понедельник утром, я смогла встать на ноги и сделать несколько шагов по палате. Дрейк был рад, я — безразлична. Хотя немного радости во мне всё же было, когда я осознала, что можно наконец ходить в туалет, а не в утку. Её выносила санитарка, а не Дрейк, но я так и не научилась относиться к подобному без смущения.

Дамир и Дин тоже заходили каждый день, а вот Коул и принцесса ни разу, и за это я была благодарна магистру, понимая, что именно он не пускает их ко мне. Видеть обоих не хотелось. Я больше не сердилась на эльфа, да и мысли о Даните не вызывали во мне раздражения, лишь равнодушие. Но общаться не было желания. Дамир и Дин были для меня лекарством, пусть горьким, но всё же лекарством, а эти двое только воздух зря будут сотрясать. Наобщаюсь ещё, когда выйду отсюда. Если выйду. Точнее, выйду-то я наверняка, но куда? Я по-прежнему не маг, а сегодня первый день

после случившегося, когда однокурсники учатся, и чем больше дней проходит без меня, тем тяжелее будет догонять их. Если сила вернётся...

Именно об этом и решил поговорить Дрейк сразу после завтрака.

— Шани, — сказал он, глядя на меня с такой серьёзностью, что я тут же осознала: разговор предстоит тяжёлый, — я хотел обсудить с тобой снятие браслетов.

Я отодвинула в сторону пустую миску из-под каши, Дрейк убрал её на стол, а передо мной поставил тарелку с бутербродом и стакан морса. Вот уже второй день магистр настаивал, чтобы я ела по утрам ещё что-то кроме каши и пила минимум два стакана морса или чая. Помещалось всё это в меня пока с трудом.

— А что с браслетами? — спросила я и взяла в руку бутерброд. Откусывать его не хотелось совершенно, но иначе Дрейк не отстанет. — Их разве можно снимать?

— Сейчас — нет. Но я надеюсь, что скоро станет можно. И после этого тебе будет необходимо приручить Огонь, однако с этим я тебе помочь, как понимаешь, не могу.

Я кивнула, тщательно жуя кусочек бутерброда. Солёный сыр, мягкое масло... Раньше я наверняка назвала бы его вкусным, но теперь у меня даже слюна не выделялась, приходилось постоянно запивать.

— Эмирин нашла тебе специалиста из огневиков, который способен помочь, как она считает. Я с ним уже позна-

комился, но его нужно представить тебе. Если этот человек тебе не понравится, смело говори, заменим. Чтобы он смог помочь, ты должна относиться к нему нормально, он не должен раздражать или быть неприятен.

— Я поняла, — ответила я равнодушно, откладывая бутерброд. — И когда он придёт?

— Когда тебе будет удобно.

Я вздохнула. Видеть кого-то ещё кроме Дрейка, Дамира и Рональдин было пока выше моих сил.

— Может, в среду?

— Хорошо, в среду, — не стал спорить магистр. — Ты не будешь доедать?

— Не могу, не лезет.

— Хорошо. — Он вновь не стал спорить и окончательно убрал с моих ног поднос. А я, поколебавшись, решила всё-таки спросить кое о чём. Не то чтобы это меня сейчас волновало, но...

— Дрейк, скажи... — Теперь называть его по имени и на «ты» было легко, я даже не запинаясь. — Ведь это всё займёт время. Я не говорю о результате — понимаю, что его может и не быть. Но если он будет, то не сразу, и мне кажется, это сложнее, чем научиться строить щиты. И по программе я просяду колоссально... Как быть с этим? Эмирин переведёт меня на первый курс в следующем году или...

— Давай поговорим об этом вечером, — перебил меня Дрейк и ободряюще улыбнулся. — Я пообщаюсь сначала с

Эмирин, а затем с тобой. У неё было много дел в последние дни, и мы не обсуждали твоё дальнейшее обучение.

— Ладно. — Я помедлила, но всё же осторожно поинтересовалась: — А проклятье? Оно...

— Пока на месте.

Я отвела глаза — стало обидно. Удивительно, мне казалось, что я больше не способна ощущать что-то сильное, однако это чувство было неожиданно очень сильным. Условие снятия проклятья Дрейка звучало как: «Когда он меня полюбит», и если оно до сих пор на месте, то...

— Но как это может быть? — прошептала я, стараясь не смотреть на магистра. — Ты даже с ложки меня кормил...

— Не знаю. Вероятно, нужно что-то ещё, этого мало. Шани... посмотри на меня.

Голос Дрейка звучал напряжённо. Обижать магистра не хотелось, поэтому я послушалась — и чуть не задохнулась, заметив, с какой нежностью он смотрит на меня в ответ.

— Если бы кто-то спросил об этом меня, я бы сказал, что очень люблю тебя, — произнёс он так серьёзно и основательно, будто зачитывал приговор самому себе. — Я понял это в тот момент, когда ты горела и Эмирин вызвала меня, чтобы я помог ей обуздать твой огонь, загнать его обратно в тебя и надеть блокираторы. Я едва не умер, когда мне подумалось, что мы не успеем и ты сгоришь. А потом держал тебя на руках, всю в пепле от сгоревшей одежды, и чувствовал себя безумно счастливым оттого, что ты просто осталась жива.

Всё остальное мы преодолеем, я уверен. Шани?

Пока он говорил, я не дышала. Не могла — было слишком больно.

— Спасибо... папа...

Дрейк покачулся, прижал ладонь к левой стороне груди, резко побледнев, и я, перепугавшись, что довела его этими откровениями, мгновенно вскочила с кровати, охнула, ощутив, как ноги от подобной торопливости будто молниями прострелило, и упала. Но не на пол.

— Осторожно, Шани, дочка, — раздался судорожный шёпот возле уха, и ласковые руки отнесли меня обратно на постель. — Не так резво, тебе ещё рано скакать горной козочкой.

— Я думала...

— Это была метка. После того, как ты назвала меня... Её будто с корнем вырвало. Всё, Шани, нет больше проклятья.

В его голосе слышалась улыбка, и я тоже улыбнулась. Полубезумно, дико, бешено. И слёзы непроизвольно покатались по щекам, да таким неистовым потоком, что моментально оставили на рубашке Дрейка огромное мокрое пятно.

— Нет проклятья... — прошептала я, продолжая улыбаться и всхлипывать. — Папа, папа, папа! Я всегда буду называть тебя папой, чтобы оно больше никогда-никогда не вернулось...

— Не вернётся, Шани. Никогда-никогда.

Я была так счастлива в эти мгновения. Удивительно,

несколько дней назад я думала, что больше не почувствую ничего подобного, но жизнь всё расставила по своим местам, когда я поняла, по-настоящему осознала, что у меня есть любящий отец. Я обнимала его, целовала, и он делал то же самое, и впервые за эти горькие дни мне так сильно захотелось жить, что даже страшно стало. Страшно, что не смогу, не выдержу, не стану вновь магом...

— Я постараюсь приручить Огонь, — обещала я отцу чуть позже, когда мы оба немного успокоились. — Очень постараюсь.

— Я знаю, что постараешься. Ты всегда стараешься, Шайни.

Дрейк Дарх

Все десять лет, даже когда метка перестала высасывать из него жизненную силу, Дрейк ощущал проклятье как нечто острое, застрявшее в груди. Оно то кололось, обжигая его страстью и ненавистью, то сыто пульсировало, получив желаемое. Никогда не спало, не успокаивалось, не давало передышку. И вдруг, за секунду, исчезло.

Несмотря на то, что Дрейк был специалистом по проклятьям, он не ожидал, что подобное может произойти за одно мгновение, особенно по прошествии стольких лет, когда проклятье разрослось так, что и ауры толком не видно. Однако слова Шайны и её тёплый взгляд, наполненный живым

чувством, оказались сильнее этой мерзкой опухоли, рождённой из глупой обиды маленькой девочки.

Несомненно, Дрейк чувствовал облегчение из-за того, что всё это наконец случилось. Но вместе с облегчением пришёл липкий страх, щупальцами обхвативший сердце. Теперь у него нет больше права удерживать Эмирин возле себя. Нет причин для того, чтобы она жила с ним, целовала, отдавалась ему. Он должен отпустить её, но где взять для этого силы и мужество? Их не было. От этого Дрейку казалось, что он на огромной скорости летит в пропасть и там, на дне, его ждут острые железные колья, которые вскоре превратят тело в решето — без шансов на жизнь и восстановление...

Но он всё равно пошёл к ней сразу после разговора с Шайной. Впустил Рональдин и Мирру, которые пришли навестить подругу перед обедом, и отправился в комнату Эмирин. Постучался и ничуть не удивился, когда дверь тут же распахнулась и стоящая на пороге женщина смерила его взволнованным внимательным взглядом — а через мгновение её радужка из голубой превратилась в золотую, будто наполнившись солнечным светом.

— Дарида... — прошептала Эмирин, хватаясь за сюртук Дрейка, и почти втащила эльфа к себе в комнату. За его спиной с тихим шелестом закрылась дверь. — Неужели... Дар, твоя аура!

— Всё верно. — Он попытался улыбнуться, но вместо улыбки вышла какая-то перекошенная гримаса. — У нас с

Шайной сегодня получилось снять проклятье.

Глаза Эмирин блеснули ликующим золотом, а потом она восторженно завизжала, кидаясь ему на шею, обняла так крепко, что у него кости затрещали, и коснулась щеки прохладными губами.

— Я так рада. Так рада, Дар!

— Ты радуешься за себя или за меня? — Он желчно усмехнулся, проводя ладонью по её мягким и густым волосам, заплетённым в толстую косу. Обещал сам себе не говорить ничего подобного, но не выдержал.

— За всех. За тебя, за себя, за Шайну.

— И за Нарро?

Эмирин вздохнула, но не отстранилась, продолжая обнимать его.

— Я уже говорила, что не уйду, пока ты не будешь готов. Уничтожение проклятья здесь ни при чём. Я уйду, когда ты сможешь отпустить меня.

— А я уже спрашивал — что, если не смогу? — прошептал Дрейк, отстраняясь и заглядывая Эмирин в глаза. Они перестали быть золотыми, вновь поглубели, только вокруг зрачка кружились ярко-жёлтые искорки.словно пчёлы вокруг цветка.

— Сможешь.

— А если нет?

Она улыбнулась, светло и спокойно.

— Ты всегда хотел, чтобы я была счастлива, и точно знал,

что мне для этого нужно. Даже когда я сама ещё не понимала. Ты столько раз поддерживал меня, Дар, и никогда не осуждал, даже если я фатально ошибалась. Я всегда верила и знала, что ты не предашь меня, ни за что. И сейчас я верю и знаю, что ты отпустишь.

Эмирин замолчала, и он продолжил за неё:

— Потому что хочу, чтобы ты была счастлива...

— Да.

Дрейк не стал спрашивать, что в таком случае будет с ним самим, — он понимал, что она ответит. И знал, что Эмирин права, во всём права, но...

— Тогда лучше сделать это сегодня, — произнёс он глухо, наклонился и коснулся её губ своими. — Иначе я всё время буду находить отговорки, откладывая, а это нечестно по отношению к тебе и Нарро. Но сначала я хотел поговорить о Шайне.

— Хорошо. — Эмирин взяла его за руку и повела к кровати. На мгновение возник соблазн подождать с обсуждением насущных вопросов, тем более что он знал: она не откажет. Но Дрейку уже становилось тошно от этих своих мыслей. Два года он мучает её, сколько можно?

— Шайна пропустит слишком много занятий, — сказал он, садясь на постель и стараясь не смотреть лишний раз на женщину, опустившуюся рядом. — Приручение Огня вряд ли займёт пару недель. Что нам с этим делать, Эмил? Шайна предположила, что ты отправишь её на первый курс.

— Это возможно лишь в том случае, если она не успеет сдать экзамены до сентября. Первую сессию для неё я либо отменю, либо упрощу, но вторую она должна будет закрыть. Если не успеет по какой-либо причине — тогда да, придётся начинать сначала. А пока пусть ходит на занятия вольным слушателем, без магии, я подпишу соответствующее распоряжение. Думаю, ей это будет полезно, стимулирует желание вернуть способности.

— Я больше всего переживаю насчёт боевой магии, — признался Дрейк. — Целительство она нагонит, а вот щиты и основы атакующих заклинаний...

— По боевой магии у неё есть ты. — Он не увидел, но почувствовал улыбку собеседницы. — Да, кстати. Когда будем знакомить Шайну с Кертом?

— В среду.

— Хорошо, — она кивнула. — Я ему передам.

Эмирин Аррано

Она не боялась, что Дрейк не сможет отпустить её, но думала, что это произойдёт не сегодня. Однако он, сразу после того, как они обсудили будущее Шайны, перетянул Эмирин к себе на колени, крепко и требовательно поцеловал, сжав ладонями талию, и выдохнул в губы:

— Всё. Я сейчас уйду. И больше никогда... Обещаю тебе. Можешь возвращаться к нему.

— Уверен?

— Нет. Но так будет правильно. Ты отдала мне очень много, Эмил, и Нарро тоже. Я перед вами в долгу.

— Не выдумывай.

Дрейк промолчал, поцеловал её ещё раз, а затем ссадил с коленей, встал и молниеносно выскочил из комнаты, не оборачиваясь и, кажется, даже не дыша. Боялся передумать. Эмирин проводила его полным беспокойства взглядом, вздохнула... и перенеслась в Арронтар. Не могла ждать ни секунды — с тех пор, как два года назад она ушла отсюда, чтобы лишний раз не мучить ни Нарро, который был бы вынужден чувствовать запах другого мужчины на её теле, ни Дрейка, для которого ревность к её мужу оказалась бы смертельной, Эмирин каждый день мечтала вернуться. Лес был её судьбой и жизнью, без него она с трудом дышала, двигалась и разговаривала. Из тела будто бы выкачали всю кровь и оставили так, проверяя, насколько быстро и хорошо работает её регенерация.

Арронтар ликующе зашумел, приветствуя хозяйку, и Эмирин застонала, с наслаждением запуская пальцы ног в прохладную осеннюю землю, а после и вовсе рухнула на траву и прижалась к ней щекой, глубоко дыша.

— Я здесь, — прошептала Эмирин, погладив пальцами тонкие пожелтевшие травинки. — Я вернулась.

— Верну-у-у-ла-а-ась! — пропел лес, тёплым ветром касаясь мокрых от слёз ресниц. — Мы тебя-я-я жда-а-али-и-и!

— Очень ждали, — раздалось негромкое над её головой, а спустя мгновение рядом с Эмирин лёг Нарро. Обнял её, прижался губами и носом к шее, глубоко вздыхая, рыкнул, учуяв запах Дрейка, и проворчал-прорычал: — Стер-реть, смыть поскор-рее...

— Я тоже этого хочу. — Она всхлипнула и призналась: — Я так замучилась.

— Знаю.

Муж выпустил когти, нетерпеливо разорвал платье и отбросил его в сторону. Эмирин засмеялась, поворачиваясь к нему лицом, поймала горячие губы.

— Я мечтал сделать это два года. Запах Дрейка пропитал ткань. Каждый раз, как видел тебя, сдерживался, потому что не было смысла — будет новое платье, и опять пристанет этот запах. Но теперь ты моя.

В голосе Нарро было столько счастливого удовлетворения, что она вновь засмеялась.

— Я всегда твоя.

Наследный принц Дамир

Начинать в понедельник учиться без Шайны было странно, непривычно и тревожно — Дамир никак не мог отделаться от мысли, что она может и не приручить Огонь, но даже если получится, то точно не быстро. А за это время их курс по учёбе убежит очень далеко, и Шайне как-то придётся до-

гонять. Дин беспокоило то же самое, поэтому она записывала лекцию по биологии тщательнее, чем обычно, а после окончания скопировала конспект и побежала к Шайне в лазарет, захватив с собой и Дамира. Коул и Данита проводили их недовольными взглядами — обоих в палату не пускали, причём никак это не объяснив, и эльф с принцессой регулярно дулись по этому поводу, но сделать ничего не могли. Магию академии, которая не позволяла им пройти к Шайне, было не переломить.

— Вот! — воскликнула Дин, влетая в палату и плюхаясь сразу на кровать. Шайна сидела тут же и выглядела гораздо лучше, чем даже накануне, — на щеках появился небольшой румянец, а в глазах — живой блеск. — Это тебе. — Дин протянула ей конспект, и Шайна, взглянув на листки, благодарно кивнула.

— Спасибо. Мне пригодится. Дрейк как раз сегодня собирается обсуждать с Эмирин моё дальнейшее обучение, но в любом случае конспекты понадобятся.

Дамир подтащил табуретку поближе к постели, сел и предположил:

— Теорию ты вполне способна сдавать, а практику можно перенести.

— Я тоже думала об этом. — Шайна отложила конспекты в сторону и чуть нахмурилась. — Но тут загвоздка... Чем дольше я буду приручать Огонь, тем больше у меня накопится разнообразных «практик», которые нужно будет по-

том сдавать. И как бы я не рухнула под их тяжестью...

— Значит, нужно быстрее приручить Огонь, — сказала Дин, улыбнувшись, и у Дамира счастливо замерло сердце, когда Шайна ответила на эту улыбку. Впервые за последние дни! Дин, по-видимому, тоже заметила, потому что осторожно поинтересовалась: — Тебе лучше, Шани?

— Да. И у меня для тебя хорошие новости, Дин. Проклятья на Дрейке больше нет.

Дочь ректора от неожиданности сначала побледнела, потом покраснела, а после, вернувшись к нормальному цвету кожи, переспросила:

— Ты не шутишь?

— Не шучу. — Шайна смотрела на неё понимающе и немного смущённо. — И боюсь, если бы не эта дурацкая инициация, мы с ним провозились бы ещё какое-то время, а тут... быстрее получилось. Хоть какой-то плюс.

— Да... — ошеломлённо выдохнула Дин, и Дамир взял её за руку, чтобы приободрить. Сжал ладонь, и девушка взглянула на него с благодарностью.

— Кстати... — Шайна на мгновение отвела взгляд, закусила губу, и в глазах её мелькнула такая горькая боль, что Дамир сразу понял, о ком она собирается спрашивать. — Проклятье... императора... что с ним?

— Снято, — ответил наследник то, что просила ответить Эмирин, предупредив, что это «не совсем правда, но лучше никому не объяснять». Значит, метка переметнулась на де-

душку Реджа, как старшего в роду, но Дамир видел его накануне и ничего не обнаружил — скорее всего, Эмирин скрыла её амулетом.

— Интересно, как ему удалось... — пробормотала Шайна и вздохнула, опуская голову. Дамиру очень хотелось ответить, но врать подруге ещё больше, чем уже соврал, он не желал.

— Теперь мы этого никогда не узнаем, Шани.

— Да, — повторила она безучастно, посерев лицом. — Никогда.

Шайна Тарс

Как только с Дрейка спало проклятье, наши с ним отношения изменились окончательно и бесповоротно. Последнее время они и так потеплели и напоминали что угодно, но не общение преподавателя и студентки, а теперь и вовсе стали родственными. Рядом с ним я чувствовала, что меня любят, что я нужна, и сама хотела показать, что он тоже мне нужен. А ещё мне хотелось узнать об отце больше, как можно больше. Поэтому вечером в тот же день мы с ним допоздна разговаривали. Я рассказала всё-всё о жизни с мамой, а Дрейк поведал мне о своём детстве и юности. И я так осмелела, что решила поинтересоваться...

— Как же получилось, что ты не знал о моём существовании? — спросила робко и опустила глаза, уставившись

в чашку с чаем. Он был дивно ароматный, но даже сквозь сказочный вкус добавленных в напиток ягод я ощущала несколько капель укрепляющей настойки.

— Шани... — Голос отца звучал неуверенно, и я подняла голову, удивившись. Что его смущает? — Не знаю, стоит ли рассказывать...

— Конечно стоит.

Он нахмурился, качнул головой.

— Не желаю тебя расстраивать.

— Почему ты думаешь, что я расстроюсь?

Дрейк вздохнул, и я уже начинала подозревать: не ответит, но он всё же сказал, помрачнев как туча:

— Ладно, быть может, Эмирин права и тебе нужно знать... Я был проездом в том посёлке, остановился на ночлег у одной семьи, и их младшая дочь принесла мне ужин в комнату. Она выглядела такой молоденькой и невинной, что я не проверил ни еду, ни напитки. Съел и выпил, а потом — пустота. Утром очнулся с ней в одной кровати и осознал, что она подлила мне одно отвратительное приворотное — эльфы от него дуреют, но после ничего не помнят, и чувств никаких не остаётся. Кто-то здорово её обманул, рассказав сказку о том, что если эльф выпьет подобное зелье, то обязательно женится. Я жениться не собирался, оставил ей только хорошую сумму денег и сказал, чтобы не выдумывала больше и ничего никому не подливала. И уехал.

Да... что-то такое я и подозревала, но всё равно было

больно и стыдно за себя. Получается, у меня и повода-то не было мстить отцу, он не бросал мою кровную маму. Она просто была глупой и наивной девушкой, возможно немного подлой, раз решила обманом выйти замуж за эльфа. Ох...

Захотелось попросить прощения, но вместо меня вдрут извинился отец:

— Прости, Шани. Я совершенно не подумал о том, что она может забеременеть. Одна ночь, кроме того, я не помнил абсолютно ничего, оттого мне казалось, что это всё чья-то дурная шутка. Если бы твоя мама... то есть если бы Триш не закрыла кровный поиск, как только ты родилась, я через небольшое время почувствовал бы тебя. Но она заблокировала подобную возможность.

— Ещё один мамин грех, — усмехнулась я, и Дрейк взял меня за руку.

— Нет. Она не знала, о каком эльфе идёт речь, а та девушка, судя по всему, подала эту историю под другим соусом. Триш думала, что защищает тебя. Поэтому не надо, не вини её.

— Да я и не виню больше, — призналась я. — После случившегося в пятницу я перестала на неё сердиться. Знаешь, мне всегда казалось, что уж я-то вряд ли смогу так напортачить, как мама. А я... взяла и предала человека, которого люблю. И из-за чего? Просто из-за страха. Где я, а где... — я прерывисто вздохнула: произнести «император» было выше моих сил, — ...он?

Отец промолчал, только обнял и погладил по голове, утешая. И так было правильно, мне сейчас не нужны были слова. Они бы только ещё сильнее разожгли моё отчаяние...

Утром во вторник Дрейк предложил заняться учёбой, и я согласилась. Тем более что накануне я сказала Дин связаться с кем-нибудь из целителей и попросить поделиться конспектами по профильным предметам. Вечером друзья принесли и копии конспектов, и несколько моих учебников, так что теперь мне было чем заняться.

В целом наиболее катастрофическая ситуация должна сложиться с боевой и прикладной магией, где желательно не только читать учебники, но и практиковаться. В целительстве тоже есть подобные моменты, но сейчас их гораздо меньше, проще будет догнать.

— Я буду показывать тебе заклинания, — сказал отец, когда я озвучила свои сомнения. — А ты станешь тренироваться. Просто будешь оттачивать движения и жесты.

— Без силы? — удивилась я, и он кивнул.

Первое занятие по боевой магии, устроенное по такой схеме, мне понравилось хотя бы потому, что не было видно моих косяков. Дрейк держал мои руки, но колдовал сам, а потом просил меня повторить движения. Корректировал и снова просил. Насколько это всё эффективно, мы узнаем, только когда я смогу жить без браслетов, но он верил, что у меня после таких тренировок быстрее получится освоить про-

грамму.

Вечером я самостоятельно занималась зельями, биологией и целительством, читала конспект по прикладной магии, страшно завидуя однокурсникам, которые слушали, как всё это на лекции говорит Эмирин, а я только читала с листочков. Скорее бы покинуть лазарет и хотя бы ходить на занятия! И пусть тоска по Норду не покидала меня, я больше не желала умирать. Мне хотелось бороться и победить. Сдать экзамены, окончить академию, стать хорошим целителем. Он тоже хотел бы этого, я знаю. Поэтому я собиралась стараться изо всех сил — ради него, ради отца, ради дальнейшей жизни.

Я думала об этом, стоя у окна палаты и глядя на улицу. Кажется, там начало стремительно холодать, потому что листья с деревьев полетели интенсивнее, обнажая тёмные хлёсткие ветви. Они агрессивно качались — дул нешуточный ветер. В лазарете было тепло, но я всё равно поёжилась, отвернулась, чтобы захватить с постели шерстяную шаль, которую накануне принёс Дрейк, — и тут дверь палаты распахнулась. Луч света мазнул по лицу, на мгновение ослепив меня, я зажмурилась, а когда открыла глаза, то покачнулась от неожиданности: в шаге от меня стояла ректор. И держала на руках Хель.

— Мр-рм, — услышала я негромкое, и кошка задёргалась, выворачиваясь из объятий Эмирин. Ректор засмеялась и выпустила её. Хель тут же метнулась ко мне, прыгнула — и я

поймала её в воздухе, прижала к себе, пряча лицо и ощущая, как из глаз непроизвольно начинают течь слёзы.

— Теперь она твоя, — тихо сказала Эмирин, пока я, почти неслышно всхлипывая, рыдала, уткнувшись в Хель. — Я думаю, это будет справедливо.

— Вы так считаете? — прошептала я, чувствуя острые коготки на своём плече. — Вы отдаёте мне Хель, которая любит его всего, без оговорок, а я... я — предательница.

— Вовсе нет, Шайна. Ты всего лишь сделала выбор.

— Неправильный...

— Возможно, — не стала отрицать она. — Но это не предательство. Предают после того, как делают выбор.

Я вздохнула, поднимая голову, но не выпуская кошку из рук. Она так уютно устроилась у меня на груди в области сердца, что умудрялась согреть его. Топила лёд, попавший в кровь и отравивший её могильным холодом.

— Почему вы не хотите оставить Хель Дамиру? Он же наследник, а я — никто.

Эмирин смотрела на меня, улыбаясь грустно и понимающе — впрочем, она почти всегда так улыбалась, но в этой улыбке, как и в выражении глаз, не было ничего снисходительного.

— У Дамира есть волчица. Ещё и кошка ему ни к чему.

Сказано это было с таким задорным ехидством, что я тоже улыбнулась. И почти сразу почувствовала стыд. Как я могу улыбаться, когда после его смерти не прошло и пяти дней?..

— Шани, Шани... — Эмирин покачала головой. — Я не способна читать мысли, но сейчас они написаны на твоём лице. Не стоит казнить себя за улыбки и любую другую радость. Это — тоже не предательство. Ты живая и не можешь не улыбаться. Да и он не будет рад, если ты навсегда станешь угрюмой.

— Я понимаю. Просто... — Я на секунду зажмурилась, а потом выпалила: — Эмирин, что мне делать? Скажите. Пока я занимаюсь учёбой или разговариваю с друзьями, ещё ничего, но потом, стоит остаться наедине и начать думать, как меня разрывает пополам от боли. Так теперь будет всегда? Вы давно живёте, вы должны знать точно, у вас же умирали близкие, да? И Триш, и ваш ребёнок...

— Да. — Она перебила меня, кивнув, преодолела последний разделяющий нас шаг и произнесла, погладив меня по щеке: — Поможет только время, волчонок. Много-много времени. Боль притупится, станет менее яркой, как старая выцветшая картина. Ты будешь скучать по нему, всегда будешь, но уже без неё. — Эмирин опустила руку и улыбнулась. — Когда я познакомилась с Велдоном, он только что потерял мать. И задал мне почти такой же вопрос.

— Покажите, — попросила я горячо, желая немедленно увидеть своего Норда.

— Покажу. Но не сейчас, а гораздо позже, когда ты перестанешь плакать по нему.

— Я не перестану...

— Перестанешь. Я больше не плачу по Триш, хотя когда-то мне казалось, что она забила деревянный кол прямо в моё сердце и оно никогда не перестанет кровоточить. Но прошло время, и я отпустила эту боль. И её саму. — Эмирин вновь подняла руку, но на этот раз погладила не меня, а мурчащую Хель. — Тех, кто уходит от нас, необходимо отпускать, Шани.

Мне не хотелось отпускать Норда. Мне хотелось вернуться назад. Сказать ему, что мне плевать и на его императорство, и на проклятье, и вообще на всё — мне важен только он. Он, живой, рядом со мной. Пусть я буду кем угодно — любовницей, женой, комнатной собачкой — без разницы. Главное, чтобы с ним.

Но время, увы, не имеет обратного хода.

Эмирин Аррано

После краткого разговора с Шайной она вернулась к себе в комнату. Хотела сразу перенестись в Арронтар, но оказалось, что её ждёт Дамир, нервно притоптывая возле двери и оглядываясь — до отбоя оставалось десять минут.

— Заходи, — кивнула она и отдала академии мысленный приказ, чтобы распахнуть дверь. Дамир зашёл внутрь комнаты, развернулся и выпалил, как только Эмирин вошла следом:

— Я хочу попасть на коронацию.

Ректор подняла брови. Конечно, она понимала: наследник имеет в виду не обычное присутствие во дворце, а именно собственную голову, на которую наденут венец. Его голову, а не поддельного Дамира. Он просто не мог выразить мысль иначе, мешал запрет.

— Это очень опасно.

— Тётя Эм... — Он упрямо закусил губу. Забавно всё же, что за эти месяцы никто не заподозрил в Мирре Дарлейн мальчика. По правде говоря, Дамир так и не смог стать девочкой по поведению даже отдалённо. Хотя, возможно, ей так кажется, потому что она знает точно? — Я не верю, что его высочество могут попытаться убить на коронации. Правильно я понимаю, что тот, кого вы с дядей хотите арестовать, не желает войны? А она наверняка случится, если делать всё явно.

— Парад был не менее официальным мероприятием, однако...

— «Огненный цветок» непросто создать, для этого необходимо ненавидеть, — возразил Дамир горячо. — Разве кто-то настолько ненавидит меня?

— Не обязательно ненавидеть. Можно сильно любить.

— Что? — Наследник посмотрел на неё с искренним удивлением. — Как это?

— «Огненный цветок» можно создать не ненавидя, а любя, — повторила Эмирин и добавила зачем-то, удивляясь самой себе: — Именно так погибла мама Шайны.

— Триш Лаира? — в свою очередь зачем-то уточнил Дамир.

— Да. В твоём случае могут использовать Даниту. Я подозреваю, что даже, скорее всего, используют. Это было бы самым логичным. Не обязательно «огненный цветок», разумеется, но...

— То есть... — Наследник поморщился, но возмущаться не стал. Взрослеет. — Нита сейчас работает приманкой?

— Это один из вариантов, я не знаю, верный ли. На мой взгляд, он самый рискованный, но если получится, то это гарантированный успех. В случае с другими вариантами меньше риска, но и возможного успеха тоже меньше.

— Ты думаешь, Нита может захотеть убить меня? — Дамир побледнел, но смотрел серьёзно: было видно, что он не отмахивается от подобных мыслей, а рассматривает, анализирует и делает выводы. Подобная привычка досталась ему от дяди, брат императора был более импульсивным человеком и никогда не стал бы всерьёз рассуждать о том, что его может убить член семьи.

— Мир... — Эмирин вздохнула: хотелось пощадить наследника, но это было не рационально. — Нита — крайне обидчивая девочка. И ведомая. Если правильно надавить на все её обиды, она может совершить импульсивный поступок. Возможно, потом она будет жалеть, корить себя и плакать. Но ключевое слово здесь — потом.

— Да, ты права. Но чтобы убить...

— Она может не знать, что речь идёт об убийстве, но на результат это не повлияет.

Дамир помолчал, глядя в пространство и о чём-то напряжённо размышляя. Потом всё-таки проворчал с истинно альтервовским упрямством:

— И всё-таки я хочу на коронацию.

Эмирин улыбнулась. Ну, кто бы сомневался, но точно не она.

— Я подумаю, хорошо? — ответила она мягко. — Завтра сообщу тебе, что можно сделать. Или нельзя, посмотрим.

— Договорились.

Когда за Дамиром закрылась дверь, Эмирин развернулась к противоположной стене, непроизвольно пошевелила пальцами на руках, отдавая приказ — и часть стены отъехала в сторону, обнажая небольшую комнату с кроватью, шкафом, столиком, камином и двумя креслами. Сидящий в одном из них мужчина хмуро посмотрел на Эмирин исподлобья и покачал головой.

— Всё слышал?

— Естественно. И я против.

— Понимаю. Но...

— Эм, — перебил он её раздражённо, — мы не знаем его планов. Да, вероятность того, что он решит покончить ещё и с Дамиром на коронации, крайне мала, но это риск, а я не собираюсь рисковать наследником.

— Дамиру не по себе из-за того, что он начнёт править не

коронуясь.

— После того как всё закончится, Аравейн проведёт ещё одну коронацию. Обещай ему это. Скажи, что его коронуют вместе с Рональдин, красиво, официально, на площади, как раньше делали — представление народу. Заодно и свадьба будет. Но только после того, как всё закончится.

— Ладно, — она кивнула и не удержалась от подколки: — Расстраиваешь мальчика.

— Ты серьёзно? После пятницы и известия об «огненном цветке»? Конечно, короновать «хамелеона» — это неприятно, но вряд ли подобное сможет затмить известие о смерти дяди. Сейчас в Дамире говорят гордость и тщеславие, они несовместимы с безопасностью. Поэтому ещё раз повторяю: я против. Только не говори мне, что ты за!

— Нет. Но мне жаль Дамира.

— Мне тоже, однако я не могу руководствоваться жалостью, принимая решения, — отрезал он, закрывая тему.

Шайна Тарс

Всю ночь я проспала в обнимку с Хель. Она легла между подушкой и стеной, я накрыла её кусочком своего одеяла, обняла — и мы просопели так до самого утра, без снов и прочих беспокойств. Я не смогла до конца понять, по какой причине Эмирин отдала мне кошку Норда, но радовалась этому решению до глубины души — словно со мной,

несмотря ни на что, осталась его маленькая частичка.

Рядом с Хель мне действительно дышалось чуть легче. Мне даже казалось, что она немного пахнет Нордом... но нет, это глупости — за прошедшие дни запах должен был уже тысячу раз поменяться. Поэтому я понимала, что выдаю желаемое за действительное, но всё равно была рада обманываться и постоянно обнимала Хель, чтобы понюхать.

А во время завтрака, когда я терпеливо старалась прожевать бутерброд после съеденной каши, Дрейк неожиданно заявил:

— Помнишь, с кем я тебя собирался сегодня знакомить?
Я кашлянула, задумалась.

— М-м-м... нет, не помню.

— Пару дней назад мы говорили о приручении Огня после снятия браслетов, — пояснил отец, и я наконец вспомнила. Точно! Дрейк ведь не может помочь мне с этим, он не стихийник. Он говорил о каком-то человеке, которого выбрала Эмирин.

— Да, — я кивнула, — теперь припоминаю.

— Прекрасно. Он уже здесь, ждёт за дверью. Приглашу, как доешь.

— Хорошо.

Мне казалось, что я совсем не волнуюсь — с чего бы? — однако кусок в горло не лез совсем. Я испытывала какой-то странный трепет, от которого сжимался желудок и сердце убыстряло ход. Видимо, я всё же переживаю, что не смогу...

или он сейчас скажет: «Безнадёжно, ничего не получится». Почему бы и нет?

Я выпила залпом второй стакан морса, сразу ощутив, как начинаю раздуваться в области желудка, будто надутый воздухом шарик, и хрипло сказала, стараясь не смотреть на отца:

— Всё, зови.

Но он не стал спешить. Сел рядом на кровать, отставил в сторону поднос с недоеденным завтраком, пригладил выбившиеся из моей косы волосы. Я посмотрела на него вопросительно, нервно стиснула пальцами одеяло — и Дрейк положил ладони поверх моих рук, погладил пальцы, заставив их расслабиться.

— Не волнуйся, Шани. Я уже говорил с ним чуть ранее, он показался мне хорошим человеком, да и как специалист сомнений не вызывает. Однако прислушивайся к себе. Эмирин сказала, что ты должна доверять тому, кто будет помогать тебе приручать Огонь.

— Доверять? — Я едва до потолка не подпрыгнула. — Но, пап... Доверие не достигается за пару часов, иногда даже за пару лет не достигается! Да и вообще я к такому не привыкла...

— К доверию? — Он мягко улыбнулся. — Понимаю, я тоже. Но нужно постараться, колючка.

— Как? — Я удивлённо вытаращила глаза, а Дрейк строил физиономию в стиле «не понимаю, о чём ты».

— Как стараться? Как ты обычно стараешься.

— Я не об этом. Как ты меня назвал?

Он поднял руку и легко щёлкнул меня по носу.

— Колючка. Тебе очень подходит. Не нравится?

Я задумалась.

— Не знаю...

— Хорошо, тогда скажешь, когда узнаешь. А пока я буду называть тебя так. — Дрейк ободряюще коснулся моего плеча и встал с кровати. — Что ж, пойду позову нашего гостя. Ты точно готова?

— Не точно, но зови.

Пока отец шёл к двери, широко распахивал её и звал того, кто всё это время находился в коридоре, я нервно ёрзала на постели и в конце концов, чтобы не растрачивать энергию зря, схватила на руки Хель и прижала её к груди, словно она могла спасти от неведомой угрозы. Кошка сразу замурчала, и мне стало легче. Спасибо, Эмирин...

Через пару мгновений в палату шагнул мужчина. Телосложением он настолько остро напомнил мне Норда, что сердце зашлось бешеным стуком, но почти сразу успокоилось — нет, всё же не он, конечно не он. Тоже темноволосый, но кожа бледнее, и глаза не карие и тёплые, как шоколад, а насыщенно-синие, будто кусочек неба, и почему-то очень грустные. Внушительные усы и борода, причём в бороде заметны седые волоски. Одет этот человек был в тёмно-зелёную рубашку, широкие коричневые кожаные штаны — которые

любят носить боевые маги, — подпоясанные ремнём с бряцающей на ходу металлической пряжкой, и тяжёлые сапоги. Типичный боевой маг, как с картинки из детских книжек.

— Доброе утро, — произнёс он густым басом, разглядывая меня с такой жадной внимательностью, что я даже смутилась. — Меня зовут магистр Дарион Керт, я недавно прибыл из Гротхэма.

— Дарион теперь будет преподавать у нас боевую магию вместо магистра Сильвео, — пояснил отец, закрывая дверь и вставая рядом. — Программа по обмену.

— Я никогда не понимала, зачем это нужно, — пробормотала я, чуть опуская голову. Этот Дарион Керт продолжал смущать меня своим пристальным взглядом. Как ни странно, он не был неприятным, но всё-таки я не понимала, по какой причине необходимо меня так рассматривать.

— Обмен опытом, — ответил Керт, взял табуретку и сел на неё, но не вплотную к кровати, а ближе к окну и на внушительном расстоянии от меня. — В Гротхэме учебный процесс устроен иначе.

— А как?

— Давайте поговорим об этом чуть позже. — Мужчина покосился на Дрейка и спросил: — Вы не могли бы оставить нас на несколько минут?

Я напряглась, и отец тоже.

— Это обязательно?

— Да.

Он так ответил, что я почему-то не усомнилась: действительно, обязательно. Однако Керт счёл нужным пояснить:

— Огонь не терпит свидетелей. Сейчас мы не будем заниматься его приручением, но необходимо, чтобы Шайна успела привыкнуть ко мне. Чем скорее начнём, тем лучше.

— Ладно, я подожду за дверью, — кивнул Дрейк и, улыбувшись мне, добавил: — Кричи, если что.

Я фыркнула, Керт усмехнулся, дождался, когда за отцом закроется дверь, и тут же поинтересовался:

— Как твоё самочувствие, Шайна?

Я не обратила внимания на его «ты». Вообще не заметила.

— Гораздо лучше, спасибо, — ответила вежливо, но он мотнул головой.

— Нет, мне нужно, чтобы ты ответила искренне, по-настоящему. От сердца. Не лукавя, не стараясь быть вежливой. Отвечай правду.

— А зачем это нужно? — уточнила я, непроизвольно сильнее стискивая Хель. Кошка недовольно мяукнула, вырвалась из моих рук, прыгнула на пол и, не мешкая, пошла на колени к Керту. Свернулась там калачиком, расслабленно свесив хвост и вытянув лапы, и закрыла глаза.

Я смотрела на это всё с искренним изумлением. Разумеется, я не знала, как ведёт себя Хель с посторонними, я видела её только в компании Норда, но к отцу она ведь так не забиралась...

— Огонь не терпит лжи, — ответил магистр, поглажи-

вая Хель. Он не выразил недовольства поведением кошки, не удивился, не возмутился — просто принял как данность. — И недомолвок тоже. Чтобы научиться работать с ним, тебе нужно привыкнуть к искренности перед собой. И передо мной, конечно, я ведь буду тебя учить. И если ты не научишься выражать настоящие эмоции, то и приручить его не сможешь. Понимаешь, о чём я говорю, Шайна? Пока ты сдерживаешься в чём угодно, даже в таком простейшем ответе на вопрос «Как ты себя чувствуешь?» — Огонь продолжает оставаться в тебе. Он не выйдет.

— Но если он выйдет, то сожжёт меня, — возразила я, и Керт кивнул.

— Разумеется. Но не сразу. Тебя успели спасти по этой причине — какое-то время Огонь не сжигает, а просто горит, пусть и жжётся. И это время можно использовать, чтобы приручить его.

— Вы уже начали урок, — вырвалось у меня непроизвольно. Но он сам сказал, что я должна быть искренней! — Это не простое знакомство, а урок.

— Скорее введение, — хмыкнул Керт, откидываясь на стуле. — Итак, Шайна, я жду ответа. Как твоё самочувствие? Отвечай от сердца.

От сердца, да? Ну ладно.

Я на мгновение сжала зубы, а потом выдала искреннее заковыристое ругательство — любимое у матушки Розы. Даже слёзы на глазах выступили. И добавила:

— Но физически — гораздо лучше, уже хожу вовсю, и слабости нет почти. А морально — вот как сказала.

— Прекрасно. — Я думала, он улыбнётся, но Керт не улыбался. Наоборот, смотрел на меня с такой болью, что я подумала: неужели он знает? Эмирин рассказала? Про меня и Норда? — Я очень рад, что ты уловила суть моей просьбы. Именно так необходимо отвечать. Теперь следующий вопрос. Ты хочешь жить?

Дыхание перехватило. Соблазн ответить просто «да» был невероятный...

— У меня нет однозначного ответа.

— Ответ неоднозначно.

— Вы решили содрать с меня кожу живьём уже на первом уроке? — усмехнулась я, отводя взгляд. Керт смотрел слишком внимательно и пристально — я не выдерживала.

— Шайна, я ещё даже не начинал тебя учить. Я спросил об этом, потому что Огонь не приемлет неоднозначных ответов. Только честное, чистое «да». И подними-ка голову, посмотри на меня.

— Зачем?

— Надо.

О Дарида, какой невыносимый человек.

Но просьбу я выполнила. Подняла голову, посмотрела на Керта слезящимися глазами — его очертания расплывались, и я не могла разобрать, с каким выражением лица он смотрит на меня, однако от его взгляда отчего-то было жарко. Осо-

бенно губам.

— А теперь отвечай. Неоднозначно. Но правду.

Вздых. Сиплый, прерывистый. Трудно, безумно трудно откровенничать с незнакомым человеком... Даже наедине с собой трудно, что уж говорить про сейчас?

— Я хочу жить ради тех, кого люблю. Ради себя — не очень. Я инициировалась, когда узнала о смерти того, кого любила, и меня тянет к нему. Ради себя я предпочла бы...

— Я запнулась, и Керт закончил за меня:

— Умереть. Ясно, Шайна.

Он замолчал, будто задумавшись. Я воспользовалась паузой и вытерла ладонями глаза, а когда проморгалась, осторожно спросила:

— Вы... из-за этого не будете меня учить?

— Буду, конечно.

— И как прогнозы? Думаете, у меня получится?

Я рискнула и вновь посмотрела на Керта. Он тоже изучал меня, внимательно и сосредоточенно, и его взгляд казался мне горячим, как раскалённый металл. Он действительно будто медленно снимал с меня кожу, обнажая незащищённое тело. И душу.

— Я не знаю. Я требую от тебя честности, и сам тоже буду честным. Для того, чтобы приручить Огонь, нужно хотеть жить — это первое. И, пожалуй, в твоём случае самое сложное. Второе — научиться с ним работать. Нужно будет сделать так, чтобы он уходил и приходил по твоему приказу, а

не когда ему захочется. — Керт поднял руку, и его ладонь вспыхнула ярким пламенем, но почти сразу погасла. Хель на его коленях даже не пошевелилась. — Это сложно, но первое условие — сложнее.

— Я постараюсь...

— Шайна. — Во взгляде появилась ирония, но она была какой-то вымученной, больной. — Желание человека жить — как любовь, по приказу не появляется. Я не сомневаюсь, что ты будешь стараться, да и я буду. Но дело не только в стараниях. — Керт встал, не выпуская из рук Хель, аккуратно передал её мне, а затем произнёс, глядя в глаза: — На сегодня всё. Я приду в пятницу вечером. Примешь меня?

— Конечно, — кивнула я, и он, напоследок ещё раз опалив меня внимательно-жадным взглядом, кивнул и вышел из палаты.

Тихо скрипнула дверь — зашёл отец. Сел рядом, взял за руку и негромко поинтересовался:

— Ну как, Шани?

— Будем работать, — пробормотала я обескураженно, испытывая странное и до дрожи болезненное ощущение, что я когда-то была знакома с Дарионом Кертом.

Глава 4

Наследный принц Дамир

В среду вечером Шайна была задумчиво-рассеянной. Она вроде бы слушала всё, что говорили они с Дин, но не слышала — взгляд её плыл, как озеро, затянутое туманом. Хотя им было что рассказать, после занятий по боевой магии. А ещё Рональдин принесла Шайне очередные конспекты по зельям и целительству, но сейчас они лежали у полуэльфийки на коленях — вопреки обыкновению, Шайна в них ни разу не заглянула.

Однако туман в её глазах неожиданно рассеялся без следа за одно лишь мгновение, когда Дамир произнёс фамилию нового преподавателя — Керт.

— Керт? — повторила Шайна, вздрогнув, и посмотрела на них с Дин абсолютно осмысленно. — Он ведёт у вас боевую магию?

— Да, он заменяет магистра Сильвео, — пояснил Дамир, про себя гадая, отчего подруга могла так всполошиться, услышав имя Керта. — Наша группа теперь занимается с ним. Он один из лучших преподавателей Гротхэма, здорово, что Эмирин смогла договориться и переманить его к нам хотя бы на этот год.

— Он огневик, да?

— Стихийник. Четыре Источника. Как у моего дяди.

Дамир сказал это не думая — и сразу пожалел, когда лицо у Шайны исказилось, будто она наступила голой ногой на гвоздь.

— Извини, я...

— Всё в порядке, — перебила она его, отводя взгляд. Сглотнула и сипло продолжила, украдкой вытерев глаза: — Вы что-нибудь знаете об этом Керте? Он будет заниматься со мной по просьбе Эмирин, чтобы я смогла приручить Огонь.

— Это логично, — кивнула Дин. — Керт работает с иницированными, правда, не со взрослыми, а с детьми. Взрослые, особенно огненные, почти все не выживают. Мне кажется, ты первая за последние несколько десятков лет.

— Значит, вот истинная причина этой программы по обмену, — протянул Дамир понимающе. — Эмирин нужно было перетянуть в академию Керта...

— Вообще Эван упоминал, что анкету они заполняли за неделю до... — Дин закусил губу: говорить «гибели императора» никто из них пока не научился. — До пятницы. Так что это не совсем так. Думаю, в последний момент кто-нибудь просто поменялся с Кертом местами.

— Шани, не волнуйся, — Дамир постарался ободряюще улыбнуться подруге, — он хороший специалист, поможет тебе. Знала бы ты, что он сегодня на боёвке вытворял! Я такого в жизни не видела.

— Вытворял? — В голосе Шайны не было любопытства

— скорее, она поинтересовалась из вежливости. — Он показательный урок, что ли, устраивал? Как папа на первом занятии?

Едва не крикнув от этого «папа» по отношению к магистру Дарху — Шайна теперь называла его только так, — наследник кивнул.

— Он показывал нам атакующие щиты, — мечтательно вздохнула Дин, и на этот раз в глазах Шайны появилось лёгкое любопытство.

— Что-что?

— Атакующие щиты, — повторил Дамир. — Это уникальные свойства некоторых видов щитовых — по сути оборонительных — заклинаний переходить в атакующие. Если сравнивать с обычным щитом, представь, что вот ты его держишь и от него отлетают камни, а потом ты берёшь его, кидаешь в соперника и попадаешь ему по макушке.

— Ого, — вырвалось у Шайны почти восхищённое, — а в чём смысл? Почему нельзя кинуть заклинание, оставаясь под щитом?

— Можно, отчего же нет? — пожал плечами наследник. — Но в некоторых случаях использовать атакующие щиты эффективнее. Например, когда речь идёт о том, чтобы «накрыть» сразу нескольких соперников. Атакующие щиты почти невозможно отбить, в отличие от обычных атакующих заклинаний.

— Здорово, — Шайна вздохнула, — хотела бы я на это

посмотреть...

— Ты попроси Керта показать, — посоветовала Дин. — Думаю, он не будет против. А ты с ним уже познакомилась или всё впереди?

Странная тень скользнула по лицу девушки, и Дамиру это удивительным образом напомнило те дни, когда Шайна ходила к своему «хранителю библиотеки». Тогда она точно так же не желала обсуждать их совместные встречи. Вот и теперь он заметил, что она не горит желанием рассказывать про свои впечатления от Дариона Керта.

— Познакомилась. Сегодня утром.

— И как?

Шайна закусила губу и медленно, будто подбирая слова, произнесла:

— Странно. Он вроде бы не спрашивал у меня ничего слишком личного, но после этой встречи осталось ощущение, словно он меня не только раздел, но ещё и кожу содрал, чтобы посмотреть, что под ней.

— Жуть какая, — вырвалось у Дин, но полуэльфийка покачала головой.

— Нет. На удивление, это не было неприятно или раздражающе. Беспокойно, да. Но пережить можно. — Она нервно закусила губу. — Однако я не понимаю, откуда взялось чувство, что я его знаю? Была знакома, общалась...

— Может, он был среди клиентов матушки Розы? — пошутил Дамир, и, к его удивлению, Шайна задумалась.

— Не помню, — выдавила она спустя несколько секунд и усмехнулась. — Но обязательно спрошу у неё, как выйду отсюда.

Шайна Тарс

Моё физическое состояние улучшалось с каждым прошедшим днём. Моральное — нет. Особенно тяжело приходилось в те недолгие часы, когда рядом никого не было. Отец не мог сидеть со мной постоянно, он был вынужден отлучаться на занятия, и когда это происходило, я неизменно занималась учёбой. Читая конспекты и учебники, было проще отключать собственные мысли и не вариться в них.

Утром в четверг меня навестил дартхари Нарро. Я помнила, что именно он вытащил меня из той странной черноты, в которую я погрузилась после того, как чуть не погибла, поэтому не удивилась визиту. И неловко мне не было, несмотря на то, что я отлично помнила, как сидела у него на коленях. Но там, в том абсолютном ничто, я почему-то была маленькой девочкой.

— Твоё восстановление идёт хорошо, — сказал дартхари перед тем, как покинуть палату. — Больше двигайся. Завтра сходи погулять. Насколько я помню, вечером к тебе должен зайти магистр Керт?

— Да, — ответила я, ощущая непроизвольное волнение.

— Вот с ним и прогуляйся.

В дверях Нарро практически столкнулся с отцом, и если дартхари отреагировал спокойно, поздоровавшись и вежливо кивнув, то Дрейк побледнел и поджал губы, стараясь не смотреть на мужа Эмирин. Я знала, что в этом есть моя вина, и потом долго молчала, не решаясь спросить у отца, получилось ли у него отпустить её. И как он теперь, после всего... Сложно, наверное...

Он ответил сам, сразу после того, как мы закончили заниматься боевой магией и я устало опустилась на постель, сжимая в руках кружку с прохладным морсом.

— Я в порядке, Шани, не волнуйся. — Дрейк сел рядом и погладил меня по плечу. — Я вижу беспокойство в твоих глазах — не надо. Справлюсь. Сейчас сложно, потому что за последние два года я привык к Эмирин рядом со мной. Но что такое два года по сравнению с двумя сотнями лет, которые я её знаю? Пыль. Всё пройдёт со временем.

Я не знала, сказать или нет, что крутилось у меня в голове. В итоге всё-таки осторожно произнесла, будто боялась обжечься об собственные предположения:

— У эльфов ведь тоже есть пары, как у оборотней. И в твоём случае это не Эмирин. Значит, ты ещё встретишь...

— Пару можно и не встретить. И потом у эльфов всё иначе. У волков пара предполагает взаимность, иначе не бывает. У нас же... увы. Можно встретить свою латкарто — так будет «единственная» по-эльфийски, Шани, — но она окажется к тебе безучастной. — Дрейк печально усмехнулся. —

Мы даже называем это «вечноэльфийским проклятьем».

— М-да, — протянула я, делая глоток морса. — Но как это работает? Если взаимности нет, получается, «единственных» может быть несколько?

— Нет. По крайней мере пока твоя латкарто жива, шансов встретить кого-то ещё — ноль.

— О... Тогда это причина убивать тех, кто не ответил взаимностью.

— И такое тоже случалось, — кивнул Дрейк. Вот правильно я всегда считала тёмных эльфов психами! — Но редко. Свою единственную убить практически невозможно, это очень больно, и тот, кто на такое решается, впоследствии сходит с ума.

Я задумчиво глотнула ещё морса — и вдруг вспомнила...

— Значит, я не латкарто Коула? Или?..

Меня аж затошнило. Нет, пожалуйста, я не хочу быть его единственной! Он же от меня тогда ни за что не отстанет!

— Прости, колючка, но я не знаю, — ответил отец с сожалением. — Это никак не выяснить, только если он сам скажет.

Я сглотнула.

— А как ты думаешь? Похоже?

— Похоже, — вздохнул Дрейк, и я едва не выругалась. — Но ты не думай пока о нём, Шани. Не нравится он тебе — да и кхаррт с ним. Коул сейчас — меньшая из наших с тобой проблем.

С этим я была вынуждена согласиться.

Перед сном ко мне заскочили Дамир и Дин, принесли конспекты по мировой истории, рассказали, что делали на практике по прикладной магии. А потом друзья упомянули, что Эван скоро отбывает в Гротхэм и поэтому попрощаться с ним я не успею. Однако при этом у обоих были настолько странные лица, что я немедленно заподозрила подвох.

— Программа по обмену? — уточнила, и они кивнули. — Что ж, здорово. Как это восприняла принцесса?

Дамир недовольно поморщился, а Дин развеселилась.

— О, Нита уже начала приглядываться к другим кавалерам, — сказала она с лукавой улыбкой. — Пока не сильно в открытую, но всё же заметно. Так что, вероятнее всего, скоро за наш стол сядет кто-то другой.

— Жаль, Эван был лучшим вариантом, — вздохнула я и нахмурилась, когда друзья отвели взгляды. — Но что-то вы какие-то странные, когда говорите о нём. У него всё в порядке?

— Более чем, — фыркнул Дамир. — Но ты же знаешь, Шани, Эмирин не всегда даёт возможность говорить откровенно.

— Она обещала, что расскажет тебе сама, — пояснила Дин, пока я судорожно пыталась сообразить, каким образом слова «не даёт возможность говорить откровенно» относятся к Эвану.

— Ладно. — Я пожала плечами. — Подожду. А насчёт Даниты... Хорошо бы свести её с Коулом, а?

После этого моего заявления в комнате на мгновение повисла тишина, а затем друзья громко расхохотались, впервые за эти дни наполнив пространство вокруг настолько весёлым и искренним смехом.

Наследный принц Дамир

Насчёт коронации Эмирин ожидаемо отказала, хотя и попыталась смягчить свой отказ, объяснив, что потом, когда всё закончится, их с Дин коронуют вместе, сразу после свадьбы. И это обещание, как ни странно, помогло Дамиру расслабиться. Да и в целом думать о том, что у них с Дин когда-нибудь будет свадьба, оказалось очень приятно. И так действительно честнее — получить венец не сейчас, а позже, вместе с ней. Он же не один собирается править.

Поддельный наследник был представлен делегациям, прибывшим на празднование Дня объединения, ещё в субботу, и Дамир получил об этом представлении подробный отчёт от Эмирин. Как она уверяла, Оливер прекрасно справился с ролью, но тут же призналась, что задача была не самая сложная: молчи да кивай благосклонно, слушай торжественные пожелания вперемешку с искренними — или не очень — соболезнованиями. Гораздо сложнее будет, когда Оливер в образе Дамира начнёт учиться в академии, а это должно было

начаться в понедельник. Сама же Эмирин всё сильнее погружалась в регентство и по этой причине собиралась отказаться от некоторых занятий в академии, в том числе — от лекций первому курсу. Официально она пока ничего не объявляла, но слух уже пополз, главным образом потому что среди преподавателей, прибывших из Гротхэма, оказался один по прикладной магии. Логика у студентов работала отменно. Ректор действительно много отсутствовала, находясь во дворце минимум четыре часа в сутки, ещё и новый преподаватель... Все ждали этого решения. Ждали и были недовольны. Никто не верил, что какой-то гротхэмский магистр окажется лучше Эмирин, уровень обожания которой у студентов всегда зашкаливал.

— Мам, это правда? — поинтересовалась Дин у матери в пятницу утром, когда они забежали к Шайне. В палате неожиданно оказалась и ректор. — Ты больше не будешь вести у нас прикладную магию?

— Следующая лекция — последняя со мной, — кивнула Эмирин, и присутствующие синхронно вздохнули. И несмотря на то, что Шайна сейчас не могла пользоваться магией, она тоже выглядела разочарованной. — Простите, волчата, регентство не слишком совместимо с преподаванием. Я оставила себе только старшие курсы, а первый возьмёт другой преподаватель. Дин, не дуйся, это магистр Лан.

Судя по лицу Рональдин, ей это имя много о чём говорило — она буквально расцвела. А вот Дамир его не помнил, и

Шайна тоже.

— Ну вы что, — вздохнула дочь ректора чуть позже, когда Эмирин уже ушла, — это же автор «Классификатора артефакторов»! Универсального справочника обо всём, что нужно в прикладной магии. Он прекрасный специалист. Правда, как человек, говорят, не очень, вредный и въедливый.

— Он тут такой не один, — пошутил Дамир, а потом обратился к Шайне: — Расскажешь, зачем приходила Эмирин?

— О-о-о, — подруга иронично усмехнулась, перетаскивая на колени бывшую кошку императора. Наследник хорошо помнил Хель, она всегда хвостом ходила за дядей и жила в его покоях. Увидеть её у Шайны оказалось более чем неожиданно, но он не стал ничего спрашивать — только беречь боль девушки. Да и то, что Хель теперь жила у неё, Дамир считал более чем правильным. — Ректор поведала мне про Эвана. Занимательная история. Зато стало понятно, почему он всегда казался мне хорошим, но недостаточно искренним.

— Ты всё-таки что-то подозревала? — удивилась Дин, но Шайна покачала головой.

— Нет. Я никогда не думала о том, что рассказала Эмирин, или о чём-то похожем. Я просто... как бы это объяснить... не до конца понимала, зачем он встречается с Данитой, если она ему не слишком нравится. Стоило бы предположить, что ради статуса, но это не было похоже на Эвана. Вот и возникало противоречие, с одной стороны — я ему симпатизировала, а с другой — ну разве будет хороший че-

ловек встречаться с девушкой, к которой равнодушен? Вот и все мои подозрения.

— И всё равно — это немало, — вздохнул Дамир. — Мы-то вообще ничего такого не думали.

— Это не так уж и важно, — пробормотала Шайна, задумчиво поглаживая Хель. Кошка, обнаглев, перевернулась на спину и подставила живот. — Меня больше беспокоит тот факт, что ничего не закончилось. Раз до сих пор приходится играть чужие роли... значит, в пятницу погиб не организатор заговора, а кто-то другой.

Да, это было более чем досадно: понимать, что со смертью дяди Велдона кошмар не прекратился. И это Шайна ещё не знала, что родовое проклятье с Альтерров так и не снялось...

Шайна Тарс

Пятница тянулась почти бесконечно. Я ждала вечера со страхом и нетерпением, занималась всем, чем могла, но время всё равно шло слишком медленно, словно количество минут в часах неожиданно увеличилось раза в два. Я не смогла бы ответить, чего так усиленно жду и отчего настолько волнуюсь — сегодня же не придётся приручать Огонь, то есть причин для волнений вроде бы нет, — но одно понимала точно: мне хочется наконец выйти из этой комнаты. И не только в коридор лазарета, но и куда-нибудь ещё, подальше.

Днём отец принёс уличные туфли и платье, шерстяное и

тёплое, тёмно-зелёного цвета, и сразу после ужина я переделась в него. Оно было абсолютно новым, не из моих запасов, а явно только что из магазина, причём какого-то элитного — ярлычки на платье включали в себя не только название, но и адрес, а такое позволяли себе лишь очень дорогие салоны. Это было ни к чему, платьев у меня более чем достаточно, но я не стала ничего выговаривать отцу, а поблагодарила, вызвав у него радостную улыбку. Я понимала, что это неизбежно — он теперь будет и одевать меня, поскольку не делал этого, когда я была маленькой, и подарки дарить, и что там ещё должны делать отцы для своих дочерей?

Не прошло и двух минут после того, как я переделась и села на табуретку, аккуратно разгладив юбку — было страшно помять такое красивое и дорогое платье, — и тут в дверь постучали. Дрейк предупреждал, что Керт придёт после ужина, но всё же настолько рано я его не ждала.

— Войдите, — произнесла громко и удивилась: голос звучал ровно, несмотря на всё моё волнение.

Дверь распахнулась. Магистр шагнул в палату, окинул сидящую на табуретке меня внимательным взглядом, от которого отчего-то стало жарко щекам, и сказал, останавливаясь в паре шагов:

— Добрый вечер, Шайна. Хочешь прогуляться?

— Здравствуйте, магистр. Да, очень. Мне надоело здесь сидеть.

Керт понимающе кивнул.

— Неудивительно. Но я не уверен, что ты сможешь гулять долго. Покажи, как ты ходишь, пройдишь-ка по комнате.

Я послушно встала и прошла до двери, а потом обратно. Мне казалось, что я хожу хорошо, как и раньше, но магистр вздохнул и покачал головой.

— Нет, больше получаса ты не выдержишь. Ну ладно, и это неплохо. Пойдём.

И он протянул мне руку. Я приняла её легко и быстро, не колеблясь, хотя вообще-то в мои привычки не входят прогулки с малознакомыми мужчинами. И прикосновения почти незнакомых людей я не люблю. Но в этом и дело — Керт отчего-то не воспринимался незнакомым. Безумно странное ощущение... И его рука, тёплая, большая и неожиданно приятная, заставила сердце слабо трепыхнуться в груди. Удивительно, но так и есть — я волновалась не только из-за будущего приручения Огня, но и из-за самого Керта. Он что-то задевал во мне, не позволяя оставаться равнодушной.

Мы вышли в коридор под руку, как степенная семейная пара. Я неосознанно впиалась пальцами в локоть магистра, опасаясь увидеть здесь Коула, но поблизости никого не было. Вообще никого, лазарет будто вымер, тишина стояла такая, что наши тихие шаги раздавались по коридору набатом. Мы молча спустились по лестнице, вышли на улицу — и тут я вспомнила, что стоило бы надеть не только платье, но и пальто. Друзья упоминали, что погода изрядно испортилась за последнюю неделю, которую я валялась в лазарете, да я и

сама наблюдала из окна, как облетают листья. Их уже почти не было. Но и холода не было — как только я оказалась снаружи, меня окутал тёплый воздух, не позволив замёрзнуть ни на мгновение. Я покосилась на Керта, и он кивнул.

— Да, Шайна, это я. Я и сам, как ты видишь, отправился на прогулку без верхней одежды, так что согреваю заодно и себя.

— Спасибо.

Он не ответил, увлекая меня на одну из аллеек парка академии. Я ещё не была здесь — по правде говоря, возле лаварета у студентов не принято гулять. Я никогда не задумывалась о том, отчего так, но сейчас неожиданно поняла — да, здоровым не надо прогуливаться под окнами комнат, где лежат больные. Это может быть неприятно для всех. И Керт уводил меня подальше от этих окон, вглубь парка.

Обычные деревья с наполовину облетевшей листвой сменились зелёными пушистыми елями, а затем исчезла и дорожка, выложенная фигурной плиткой, по которой мы шли изначально. Теперь под нашими ногами всё было усыпано старыми бело-жёлтыми иголками и тёмно-коричневыми шишками, и земля казалась мягкой, как ковёр. Я удивлённо озиралась: это место перестало напоминать парк так же быстро, как я недавно перестала быть магом.

— Мы всё ещё в академии? — вырвалось у меня, и я не увидела, но почувствовала улыбку Керта.

— Разумеется.

— Я здесь не была...

— Неужели ты думала, что за те недолгие месяцы, что здесь обучаешься, ты узнала все её секреты? Тут и пяти лет мало будет. Помню, я на последнем курсе, за месяц до выпуска, наткнулся на новую аллею, а когда пришёл проверить на следующий день, там ли она, ничего не обнаружил. До сих пор не знаю, было что-то или мне всё же померещилось. Садись, Шайна.

Магистр внезапно остановился, и я огляделась в поисках того, куда он предлагает мне сесть. Возле одной из ближайших елей стояла лавка, очень простая, сделанная из трёх кусков не слишком ровных брёвен — сиденье и две округлые «ножки». Лавка была совсем крошечная, и если Керт решит сесть рядом, мне придётся нелегко...

Но магистр решил иначе. Сразу после того, как я опустилась на сиденье, он сел на землю и достал из заплечной сумки, которую я даже не замечала, термос и две кружки. Разлил по ним ярко-малиновую дымящуюся жидкость и протянул мне.

— Угощайся.

Это оказался ягодный кисель, горячий и безумно вкусный. Настолько вкусный, что я разом осушила почти половину кружки, а когда опустила её и поглядела на Керта, обнаружила, что он смотрит на меня. И тепло, но печально улыбается.

От этой улыбки сразу стало так жарко и неловко, что я

поспешила спросить:

— Покажете мне атакующий щит?

Он совершенно не удивился, как будто ожидал от меня нечто подобное.

— Покажу. Смотри внимательно. — Магистр поднял руки и начал медленно строить простейший щит-паутину. — Помнишь, чем атакующие заклинания отличаются от оборонительных?

Это был лёгкий вопрос.

— Они не статичны.

— Верно. Любой щит статичен, он неподвижен, и единственное его движение — это способность передвигаться вместе с магом, его поставившим. Насколько я помню, Дрейк только собирался учить вас подобным выкрутасам.

Всё, щит был достроен и теперь повис перед нами тонкой сетчатой паутинкой. Я с любопытством смотрела на него, сжимая в руках кружку с недопитым киселём, всё ещё горячим.

— Да, мы пока не проходили это.

— Скоро начнёте. Так вот, Шайна, любое статичное заклинание априори тяжелее атакующего. По многим причинам. Главной причиной является скорость движения — чем заклинание легче, тем оно быстрее летит. Ему не нужно много энергии, чтобы начать двигаться, всего лишь небольшой толчок. А вот тяжёлому щиту для того, чтобы куда-то долететь, нужно много силы. «Импульс Вергарта» — так назы-

вают формулу для преобразования статичных заклинаний в атакующие. Смотри.

Я не просто смотрела, я даже дыхание задержала — настолько меня захватило происходящее. Керт делал всё медленно, специально, чтобы я уловила, что именно он принимает — а он соединил четыре крайние направляющие точки между собой, по сути скрутив щит в кольцо, и добавил в центр руну движения. А затем так шарахнул в эту руну чистой силой — как молнию швырнул...

И щит действительно полетел. Вперёд, стремительно, и летел несколько метров, пока магистр его не развеял.

— Впечатляет, — вздохнула я, понимая: даже если магия вернётся, повторить этот трюк я смогу лет через десять минимум. Слишком сложно. — А щит-стену первого уровня можно так швырнуть?

— Теоретически — да. Но практически для этого потребуется слишком большой импульс. Один маг такой не создаст. Если только магов будет несколько.

Я понимающе кивнула и допила кисель. Керт тут же забрал у меня кружку и вновь наполнил её. Я покосилась на его руки — большие, сильные, узловатые — и поинтересовалась:

— А где вы его взяли? Кисель.

— На кухне академии, где же ещё?

Действительно, глупый вопрос, где же ещё? Мы ведь с ним не в императорской библиотеке сидим.

Я еле слышно вздохнула. Норд... Неужели это всё правда и он... А я жива, сижу тут, рассуждаю, щиты смотрю, и мне даже интересно. Как мне может быть интересно что-то после всего, что случилось? Как?..

— О чём ты думаешь, Шайна? — раздался вдруг спокойный голос Керта. Я сморгнула выступившие слёзы и ответила, стараясь не глядеть на магистра:

— О том, как странно быть живой, когда тот, кого я любила больше жизни, умер.

Керт молчал несколько секунд, и я поневоле задумалась о том, что он вообще знает обо мне. Эмирин рассказала про инициацию, это понятно, но что ещё? Знает ли он, кого я любила?

— Сейчас тебе нужно любить в первую очередь себя. — Магистр говорил мягко, утешающе, но в его голосе мне слышалась тревога. — И не погружаться в прошлое, иначе оно будет мешать будущему.

Я закусила губу, не поднимая головы и вглядываясь в кружку с киселём, стоящую на моих коленях.

— Я могу спросить, магистр?

— Конечно.

— Что вы знаете о причине, по которой произошла моя инициация?

Молчание длилось всего мгновение, но всё это время моё сердце не билось.

— Я знаю достаточно. — Керт ответил твёрдо и спокойно,

и я всё же подняла глаза, чтобы посмотреть на него. А вот взгляд магистра спокойным не был... Он обжигал не хуже огня, добираясь до самого сердца, которое вновь начало биться. — Достаточно для того, чтобы работать с тобой дальше.

Слишком обтекаемый ответ. Слишком. Мне нужен другой.

— Вы обещали мне честность, магистр, — почти прошептала я, стискивая пальцами кружку.

— Это честный ответ.

— Да. Но он неполный.

Керт усмехнулся, качнув головой.

— Зачем тебе подробности?

Если бы я знала зачем!

— Нужно, магистр.

Он молчал ещё несколько секунд, внимательно глядя на меня, и на этот раз я не опускала голову. Я упрямо смотрела на Керта, пытаюсь доказать ему, что его объяснения и правда необходимы. Он отвечал мне мрачно-обречённым взглядом человека, которого заставляют говорить о том, о чём говорить не хочется.

— Ладно. — Вздох. — Шайна, Эмирин ничего не рассказывала, но я не идиот. Мне было названо время инициации — оно совпадает со временем гибели императора. И повторюсь — мне этого достаточно.

Я сделала нервный глоток из кружки, едва не подавившись киселём. Всё логично, но... он словно не договаривал.

Да, он сказал правду — но не всю. По крайней мере, так мне казалось.

— Пойдём. — Керт встал с земли, лишив меня возможности сказать ещё что-то на эту тему, и подал руку. — Пора возвращаться.

Я не стала спорить, только, поднявшись, поинтересовалась, когда он придёт в следующий раз. Оказалось, что в воскресенье.

Уже возле двери в лазаретное крыло я вдруг вспомнила, что хотела спросить у Эмирин, но забыла из-за её новостей об Эване. Может, Керт в курсе? Он же сказал, что знает обо мне «достаточно».

— Магистр, как вы думаете, почему мне с пятницы не снятся сны? Я сновидец, наверное, Эмирин говорила вам. Но раньше таких длинных перерывов не было.

— Это из-за блокираторов, — пояснил Керт, и я едва не застонала: точно! Это же очевидно! — Снимем — и сны продолжатся. А ты хочешь, чтобы тебе что-то снилось? Или нет?

— Хочу.

Конечно, я мечтала, чтобы мне приснился Норд. Всей душой мечтала.

— Тогда это будет для тебя отличным стимулом поскорее приручить Огонь, — сделал вывод Керт, и он был абсолютно прав: мне действительно в ту же секунду безумно захотелось поскорее вернуть способности. Не только строить щиты и заниматься целительством, но и просто видеть привычные

сны, в которых был бы Норд.

Живой. Самый любимый. Мой.

Глава 5

Эмирин Аррано

Когда она осторожно ступила босыми ногами на прохладную поверхность камня, Риланд поднял глаза от бумаг, над которыми склонился, рассматривая их и хмурясь. Бумаги могли быть какими угодно — он одинаково страстно занимался и изобретениями, и государственными делами, — поэтому гадать было бессмысленно.

— Добрый вечер, Рил, — сказала Эмирин со своей обычной мягкостью и улыбнулась. — Проблемы?

— Здравствуй. Ерунда, — отмахнулся Повелитель и встал из-за стола. — Ты с чем ко мне? Неужели коронацию решили перенести? Мне всегда казалась странной человеческая идея так спешить с официальной церемонией. У нас траур по умершему правителю длится не меньше месяца.

— Я помню. Нет, я по другому поводу. Опасность миновала, а значит... Ты можешь забрать Минаэль из Арронтара.

— Ревнуешь? — шутливо хмыкнул Риланд, и Эмирин поддержала его тон насмешливым:

— Определённо. Твоя племянница безумно красива, зачем мне рядом такая соперница?

— Рядом? — эхом повторил эльфийский правитель, и в его голосе не было ни малейшей фальши. Он словно не был

в курсе того, что она уже пару дней как вернулась к мужу, но не знать этого просто не мог. — Значит, с проклятьем Дрейка всё кончено?

— Да.

— Поздравляю тебя, Аля. — Он подошёл ближе, взял Эмирин за руку и коснулся прохладными губами её пальцев, глядя в глаза. Серебряноволосый, с льдисто-голубыми глазами и бледной кожей, он всегда напоминал ей клинок, воткнутый в лёд. Острый и смертельно опасный, тот, для кого эксперименты и интересы всегда были на первом месте. Он никогда не считался с чьими-либо чувствами, но за годы, что Эмирин его знала — ничуть не меньше, чем Дрейка, — она привыкла к этому. Осознавала, что в Риланде крайне мало действительно человеческого и много — глубинно тёмноэльфийского, безжалостного и нещадного, что всегда позволяло ему делать то, что хочется, ограничиваясь лишь возможностью ответных мер. Да, она привыкла к этому. И принимала так же легко, как вспышки взрывного темперамента Триш или безмерную гордыню Велдона. Раньше принимала.

— Спасибо, Рил. — Отняла ладонь и улыбнулась, чтобы этот жест не выглядел грубым. Но, по правде говоря, она терпеть не могла, когда ей целовал руки хоть кто-то, кроме Нарро. Эта неприязнь возникла ещё в прошлой жизни, когда Эмирин носила совсем другое имя и поцеловать ей руку считал за честь каждый встречный. — Я долго этого ждала. Но давай вернёмся к Минаэль. Забери её завтра перед корона-

цией, пусть посетит празднование, а затем отправится в Эйм.

— Видишь ли, — Риланд в задумчивости наклонил голову, — племянница писала, что ей у вас понравилось. И сама академия Арронтара, и так... в целом. Куда ты торопишься? Пусть побудет до конца учебного года. Она только начала учиться у вас, зачем срывать её обратно? Я не вижу смысла в том, чтобы расстраивать Мину. Она не хочет уезжать.

Что ж, Эмирин не сомневалась в том, что услышит именно эти возражения. И будь ситуация иной, она позволила бы Минаэль остаться, несмотря ни на что. Однако ни ей, ни Нарро не нужны были «глаза» в Арронтаре.

— Девочка влюбилась, — ответила Эмирин вкрадчиво, и Риланд фыркнул.

— Ой, да ладно. И в тебя, и в Нарро постоянно кто-нибудь влюбляется из-за вашего природного очарования. Ты Велдона вспомни! — Повелитель поморщился, сам поняв, что ляпнул, вздохнул. — Извини. В общем, я не думаю, что влюблённость Мины — это большая проблема. Или ты хочешь сказать, что она сильно досаждаёт твоему мужу?

— Ему — нет. Мне — да. После двух лет разлуки мне сложно терпеть рядом прекрасную девушку, которая при любой возможности вьётся перед Нарро, тем более что живёт Мина в нашем доме. Прости, Рил, но тебе нужно её забрать. Так будет лучше для всех, и для неё в том числе. Год — большой срок, за год она успеет прикипеть к Нарро сильнее, чем ты думаешь, потом будет сложнее забыть.

Он был недоволен. И так явно, что на бледных щеках даже выступили два маленьких красных пятна.

— Почему ты не говорила всё это самой себе, когда речь шла о влюблённости Велдона? — досадливо хмыкнул Риланд. — Серьёзно, Аль, я не понимаю. Чем Мина сейчас отличается от него? Хотя, нет, отличается. Я ни за что не поверю, что моя племянница пыталась поцеловать твоего мужа.

— Не пыталась. Иначе я сегодня пришла бы не одна, а с ней. Что касается Велдона — это действительно была ошибка, мне нужно было меньше видеться с ним с самого начала, а я просто надеялась на то, что влюблённость пройдёт со временем. — Эмирин развела руками. — С Миной мы этой ошибки не допустим. Заберёшь её завтра.

Шах и мат. И, судя по промелькнувшей в глазах Повелителя ярости, он прекрасно понимал — возразить нечего.

— Хорошо, заберу.

Это была другая сторона характера Риланда — он всё же умел проигрывать. Всегда умел, но делал это крайне редко.

— Спасибо, — поблагодарила Эмирин почти искренне и поспешила убраться из Эйма. С тех пор, как она узнала правду, ей стало казаться, что в коридорах замка пахнет кровью Триш.

И сильнее всего — в лаборатории Риланда.

На следующий день, в субботу, с раннего утра Эмирин в сопровождении Повелителя перенеслась в Арронтар. Как

она и предполагала, Риланд предпринял ещё одну попытку оставить племянницу у них с Нарро — как только Минаэль узнала о планах вернуть её в Эйм, тут же решительно воспротивилась, и пришлось потратить дикое количество сил и времени, чтобы уговорить девушку не упрямиться. Эмирин даже начала опасаться, что придётся отложить разговор — на коронацию опаздывать было нельзя. Но на этот раз шах и мат поставил Нарро, неожиданно ворвавшись в комнату и откровенно поцеловав жену на глазах у Минаэль, отчего эльфийка сразу сникла и спустя пару секунд пробормотала:

— Ладно, я соберу свои вещи.

Риланд только зло сверкнул глазами, понимая, что Нарро сделал это специально — они с Эмирин никогда не целовались демонстративно, при свидетелях, не считая официальных церемоний. Но нужно было показать Минаэль, что ей не на что рассчитывать. И пусть это было больно, но сработало.

На коронацию Эмирин всё-таки не опоздала. И прошла она спокойно, без покушений и прочих неприятностей, и Оливер вёл себя так, как должен был вести настоящий Дамир, с достоинством и непроницаемым лицом приняв венец во время церемонии. Чуть позже «хамелеон», правда, признался, что волновался до дрожащих рук, но со стороны это было не заметно.

— Дартхари, — обратился он к Эмирин сразу после возвращения в академию, — я хотел кое-что обсудить с вами насчёт моей роли.

— Конечно, — она кивнула и через мгновение удивлённо подняла брови, услышав:

— Мне нужно будет ухаживать за вашей дочерью? По тому, что я увидел в тот вечер, когда вы знакомили меня с Рональдин и Дамиром, я понял, что его высочество... то есть величество симпатизирует ей. Будет странно, если я не стану демонстрировать подобное отношение во время учёбы, а Дамир затем женится на Дин.

Эмирин улыбнулась, невольно представив, как к подобным планам отнесётся бедный племянник Велдона, который уже успел приревновать её дочь к Оливеру.

— Что ж, ухаживай. Только не переусердствуй, иначе, боюсь, быть тебе битым.

— Я не подведу, — произнёс Оливер с твёрдой убеждённой и почтительно поклонился.

Шайна Тарс

В субботу Дамир и Дин примчались ко мне с хмурыми лицами ещё до завтрака и в компании с бутылкой вина. Я так поразилась, когда увидела, как Дамир с характерным звяканьем достаёт её из сумки, что подумала: а может, это совсем не то, что я подумала, а какая-нибудь лабораторная по зельям? А?

— М-м-м, — пробормотала я, когда бутылка была водружена на столик рядом с кроватью, и почти тут же Дамир до-

стал из сумки три бокала. — А что, собственно, празднуем? Или мы...

«Поминаем» я произнести не смогла.

— Так коронация же, — ответил Дамир так ядовито, что я мгновенно всё вспомнила. Точно, друг ведь жаловался мне, что Эмирин не дала ему короноваться. Пусть завуалированно, но жаловался. — У нас теперь новый император. За это надо выпить.

Я изменилась в лице, неожиданно осознав, кто именно сейчас садится на край постели рядом со мной.

— Шани, прекрати. — Дамир скривился, словно его резко затошнило. — Никаких рогов и копыт у меня внезапно не выросло. Более того, меня там не было, так что это не считается.

Я горько усмехнулась и, выпрямившись, щёлкнула его по носу.

— Расскажи это газетчикам.

— Вредина, — фыркнула Дин, садясь с другой стороны кровати. Они постоянно так сидели, окружая меня, как два стражника. — Кстати, Мир, а где закуска?

— По такому поводу не закусывают, — похоронно произнёс Дамир и начал разливать вино.

В результате через час, когда друзья ушли, я позорно уснула — выпитое вино расслабило настолько, что сдерживаться до вечера не хватило сил. А когда проснулась, обнаружила рядом матушку Розу.

Дамир и Дин ходили к ней в прошлое воскресенье, чтобы всё объяснить про моё состояние — Эмирин разрешила. А вот теперь она, видимо, разрешила посещения... и я была безмерно рада видеть свою приёмную маму.

— Шани! — Несмотря на обстоятельства, матушка Роза ласково и широко улыбнулась, наклоняясь и заключая меня в объятия. — Я уж думала, ты до вечера будешь дрыхнуть. Целый час ждала! И что-то тут подозрительно пахнет, не расскажешь почему?

Она лукаво улыбнулась — как будто я не лежала перед ней в браслетах-блокираторах, бледная и похудевшая, чуть не умершая неделю назад. И это странным образом действовало на меня ободряюще.

— Не расскажу, — ответила я, улыбнувшись в ответ. Любая моя улыбка сейчас смотрелась бледной и невыразительной, но она хотя бы была. — Это наша тайна с Миррой и Дин.

Благослови Дарида заклинание Эмирин, ведь в уме-то я произнесла «с Дамиром», но губы сказали то, что должны были.

— Тайна, значит, — хмыкнула матушка. — Ну ладно. Только не переборщи с тайнами, и так вон сколько времени проспала, скоро обед уже. И кстати... открой мне другую тайну, раз уж с этой всё понятно. Когда я пришла, в твоей палате сидел магистр Дарх.

Матушка Роза замолчала, вопросительно глядя на меня, и её глаза светились от тревоги. А я вдруг вспомнила, что

она ведь вообще не в курсе... Я никогда не рассказывала ей о проклятье — ни до того, как встретила отца, ни после.

— Он лечит тебя? — предположила матушка, пока я пыталась найти слова для того, чтобы всё объяснить. — А то Дамир и Дин говорили, что посещения запрещены всем, кроме них. Даже этот эльфёныш, забыла, как его зовут, не смог пробраться в лазарет.

— Это вы откуда знаете? — рассеянно поинтересовалась я, повыше сядя на постели и сбивая подушку.

— Видела его сейчас возле входа в лазарет, стоит, стену подпирает. Пожаловался мне. Ждёт, когда тебя выпишут, он надеется, что это будет в ближайшие дни.

— Да, завтра, — кивнула я, невольно вздохнув. Коул... как же не хочется его видеть и разговаривать с ним! Но придётся.

— Так что насчёт магистра Дарха? — повторила матушка обеспокоенно, и я решилась.

Я рассказала обо всём, не таясь — знала, что матушка Роза не станет меня осуждать, что бы ни случилось. Даже за то, что я натворила десять лет назад и за что мне будет стыдно до самой смерти.

— Надо же... — вздохнула она, качнув головой, когда я закончила говорить. — И Риш наверняка ни о чём не подозревала, иначе не поверила бы в ту чушь, которую ей наплели о твоём отце. Она ведь неплохо знала магистра Дарха и всегда хорошо к нему относилась. Где ты теперь будешь жить,

Шани?

— Что? — Я не поняла вопрос, и матушка Роза едва улыбно улыбнулась, глядя на меня с иронией.

— Девочка моя, Дрейк Дарх — не самый последний тёмный эльф в империи. И у тебя нет нужды жить в общежитии. Он не предлагал переехать к нему?

Моему изумлению не было предела. Переехать к отцу?.. От этой мысли внутри всё заколотилось, вторя учатившемуся сердцебиению.

Но потом остановилось. Резко, как заклинание врезавшееся в щит.

— Нет, не предлагал.

— Чего ты приуныла-то? — матушка Роза ободряюще сжала моё плечо. — Ещё предложит, вот увидишь. Только ты, Шани, меня всё равно навещай, хорошо?

— Конечно, — сказала я с пылом и повторила, обняв её: — Обязательно!

Дрейк принёс обед через двадцать минут после ухода матушки Розы. Последние два дня я ела не в постели, как поначалу, поэтому он поставил поднос на стол и снял крышку, улыбнувшись мне.

— Садись, — произнёс кратко и опустился на стул. Отец почти всегда ел вместе со мной, по-прежнему следя за тем, чтобы я съедала большую часть того, что он принёс. — Как прошла встреча с Розой?

— С матушкой Розой, — повторила я машинально, хватая ложку, и уставилась в тарелку. Овощной суп-пюре пах просто запредельно вкусно, и рот моментально заполнился слюной. Я схватила стоящую поблизости плоску с сухариками, взяла горсть, добавила в суп и попробовала. Удивительно, но аппетит сегодня был зверским, я едва язык не прикусила, настолько вкусным мне показался суп. Может, виновато вино, которое пили мы с Дамиром и Дин?

— Шани, — отец фыркнул, разливая по бокалам ярко-алый морс, — я впервые увидел Розалин, когда ей было около семнадцати лет — она поступала в академию. Называть её «матушкой» у меня язык не повернётся. До сих пор помню ту милую пухленькую девочку с косой толщиной в мою руку.

Я невольно улыбнулась. Да, вот он, минус эльфийской длинной жизни — все кругом взрослеют, а ты всё не можешь воспринимать их не детьми.

— Завтра выписка, — неожиданно сказал Дрейк, и я замерла. Неужели?.. — Ты хочешь вернуться в общежитие или?..

Он запнулся, и я повторила:

— Или?

— Да. — Криво усмехнулся, потёр лоб ладонью и признался: — Кхаррт, давно я не чувствовал себя настолько неловко... Шани, у меня здесь, в академии, есть личные комнаты. Ты можешь жить со мной. Если хочешь, конечно.

— Хочу! — воскликнула я тут же, и он вздохнул с явным облегчением.

— Прекрасно. А я боялся, что придётся уговаривать.

— Нет-нет, я правда хочу! Надеюсь только, что Мирра и Дин не обидятся.

— С чего вдруг? Вы будете видеться так же, как и раньше.

— Ну, не совсем так...

— Совсем так не может длиться вечно. Они хорошие друзья, Шани, я уже имел возможность оценить. Они поймут.

Да, я тоже верила в то, что Дамир и Дин не станут обижаться и не попытаются меня отговорить. В моём возрасте обычно хотят жить отдельно от родителей, но я, всю жизнь просуществовав отдельно от Дрейка, сейчас желала иного.

В воскресенье утром я с трудом запихнула в себя завтрак. Сразу после должен был прийти магистр Керт, и когда я об этом думала, еда вставала в горле комом. А ведь потом ещё нужно возвращаться в общежитие, собирать вещи, чтобы переехать к отцу... и наверняка я столкнусь где-нибудь в коридоре с Коулом. Что он захочет сообщить после всего, что случилось за последние две недели, я не представляла, но не сомневалась, что мне вряд ли понравится.

Но всё-таки гораздо сильнее я переживала из-за Дариона Керта и наших занятий. В прошлый раз мы просто пили кисель и разговаривали, а что будет в этот?

Я узнала это совсем скоро.

— Доброе утро, — произнёс магистр, входя в палату, и посмотрел на меня настолько тёплым взглядом, что краска произвольно бросилась в лицо.

— Доброе...

— Хорошо, что ты одета как для улицы, мы сегодня не будем сидеть в помещении. Правда, для этого придётся воспользоваться амулетом переноса. — Керт подошёл почти вплотную и протянул руку. — Если ты не против, конечно.

— Не против, — ответила я, вложив свою ладонь в его, и поднялась с постели, на краю которой примостилась, ожидая магистра. Выпрямилась и запрокинула голову, вглядываясь в его сосредоточенное лицо. Оно было очень близко... настолько близко, что я могла рассмотреть сеточку мелких морщинок возле уголков глаз, короткие, но пушистые ресницы, небольшую горбинку на носу... И встретить его взгляд, который из тёплого отчего-то превращался в жаркий, волнуя меня до дрожи в коленях. — Я с удовольствием прогуляюсь...

— На прогулку это будет не слишком похоже, прости.

— А на что будет?

— Объясню через минуту.

Он поднял вторую руку и быстро коснулся указательным пальцем причудливого металлического браслета на своём запястье, не выпуская моей ладони. Этот браслет состоял из цепочки и нескольких подвесок, напоминающих ключи и маленькие листочки. Керт трогал их, словно играл на музы-

кальном инструменте, но на самом деле он, конечно, набирал определённую комбинацию для амулета переноса.

Несколько мгновений — и у меня появилось ощущение, будто меня, как рыбу, поймали крюком за горло и тянут, тянут вверх. Голова закружилась, я прикрыла глаза, вцепляясь в руку Керта изо всех сил и мечтая, чтобы это поскорее кончилось.

— Всё, — выдохнул он ещё через секунду. — Можешь открывать глаза.

Голова действительно больше не кружилась, поэтому я послушалась, но ладонь магистра при этом не отпустила. Мало ли, где мы оказались?

А оказались мы в комнате, похожей на гостиничный номер из числа самых дешёвых, и дело было не только в обстановке — двуспальная кровать, застеленная старым покрывалом цвета детской неожиданности, выцветшие розовые обои, светильник, стол, два стула и тумбочка, — но и в том, что потолок над нашими головами свидетельствовал о том, что находимся мы под крышей здания. А под крышей всегда располагались самые дешёвые номера, в которых вечно что-то либо протекало, либо слишком дуло из какого-нибудь угла. Матушка Роза водила дружбу с хозяевами и хозяйками гостиниц в квартале, где находился бордель, поэтому я примерно представляла себе цену за подобный номер.

— И что мы будем здесь делать? — удивлённо спросила я, невольно косясь на кровать. Она здесь была самой большой

и привлекала к себе внимание сильнее, чем что-либо другое.
— Садись, — ответил Керт, кивая мне на стул. — Я объясню.

Я послушно присела на краешек, пребывая в лёгком смятении — догадывалась, что магистр наверняка не скажет ничего приятного. Обстановка вообще не располагала к приятностям, даже с учётом кровати.

Нет, Шайна, нет. Какая кровать? Ты о чём думаешь?

— Прежде чем мы будем снимать с тебя блокираторы, следует хорошенько подготовиться, — сказал Керт, усевшись на соседний стул таким образом, что наши колени едва не соприкасались. — Как только мы их снимем, Огонь попытается сжечь тебя, ты это знаешь. Но знать мало, нужно понимать, как с этим бороться. Скажи-ка, Шайна... Бывало ли так, что ты испытывала какую-либо эмоцию, но старалась её подавить? Например, страх при поступлении в академию. Вряд ли ты наслаждалась им, наверняка уговаривала себя не волноваться, верно?

— Конечно, — я кивнула, всё ещё не понимая, к чему он это говорит. — И да, бывало. Злилась, но пыталась не злиться, например. Когда работала в паре с одним эльфом.

Лицо Керта слегка помрачнело, словно он был знаком с Коулом и тоже его не любил.

— Это похоже на влияние Огня. Ты испытываешь эмоцию, которая тебе мешает, и стараешься её подавить силой воли, чтобы выполнить задание. С Огнём будет то же са-

мое. Тебе следует подавить его, загнать обратно в себя, как ненужную эмоцию. Это понятно?

— Да.

— Хорошо. Так вот, прежде чем начинать тренировки непосредственно с Огнём, мы поработаем с эмоциями.

Будь у меня в этот раз кружка с киселём, я бы подавилась. Но Керт был предусмотрителен и ничего мне не дал. Поэтому приходилось просто смотреть на него и в шоке таращить глаза.

И почему мне настолько не нравится вот это «поработаем с эмоциями»? Я ведь толком не понимаю, как с такой хрупкой «субстанцией» вообще можно работать.

— Каким образом, магистр?

Теперь Керт смотрел на меня с отчётливым сочувствием, и мне было не по себе.

— У тебя каждый раз будет задача, Шайна. И эмоция, которая будет мешать её выполнить. Нужно просто делать то, что я скажу, — пытаться выполнить задачу, подавляя эмоцию. Когда научишься хорошо выполнять задачи, не обращая внимания на собственные чувства, мы попробуем снять браслеты.

Я сглотнула. Сердце в груди тревожно забилось, отдаваясь звоном в ушах. Мне не нравилось то, о чём говорил Керт. Какие задачи, что за эмоции, откуда?!

— Простите, магистр, я не...

«Не понимаю» я не договорила.

— Идём, — бросил Керт, хватая меня за руку, встал и потянул наверх, заставляя подняться со стула. Подошёл к окну, распахнул его и... просто перешагнул через подоконник. Но не упал вниз, а встал на твёрдой поверхности — и я, вытянув шею, поняла, что магистр стоит на крыше. На кхарртовой покато́й черепице, которая уходила вниз в крутом пике...

— В-в-вы... — выдохнула я хрипло и нервно и с трудом удержала смешок, когда Керт спокойно произнёс:

— Перелезай тоже, ты нужна мне здесь.

Он сошёл с ума?..

— Магистр...

— Перелезай, Шайна. Или мы сегодня же прекратим занятия, и ты никогда не сможешь подчинить пробудившийся в тебе Источник.

Я зло сжала зубы. Захотелось кинуть чем-нибудь в эту наглую физиономию, которая сейчас стояла за окном и терпеливо ждала, пока я соизволю перешагнуть через подоконник.

Мне ужасно не хотелось этого делать. Но я всё-таки послушалась.

— Молодец, — похвалил меня Керт, причём серьёзно, без издёвок. — А теперь мы с тобой погуляем по крыше.

Я опустила глаза — черепица под ногами была неровной, местами оказалась сколота, кое-где поросла мхом, а там, где не поросла, виднелись углубления со скопившейся в них дождевой водой.

Он издевается? Как здесь гулять? Я же грохнусь!

— Но я упаду, магистр, — сказала я сухо, стараясь не сорваться в истерику. Мало того, что я боюсь высоты, так тут не просто высота, ещё и поверхность больше похожа на горку — того и гляди скатишься вниз и свернёшь себе шею.

— Не упадёшь, — возразил Керт, сильнее сжимая мою руку. — Здесь заклинание, оно не даст тебе свалиться. Просто иди, Шайна, не думай ни о чём. Пытайся бороться со страхом, думай об Огне, который тебе придётся подчинить в будущем, и подчини сейчас хотя бы эмоцию.

Хотя бы эмоцию... Нет, он точно издевается! У меня подошвы к полу будто прилипли, а он мне предлагает погулять по крыше!

— Я не могу, — призналась я негромко и закусила губу. — Не могу сдвинуться с места... страшно...

— Понимаю. Но нужно попробовать справиться с этим. Попытайся уговорить саму себя, Шайна. В конце концов, я рядом, держу тебя за руку, вокруг нас заклинания, которые не позволят тебе упасть, даже если ты очень этого захочешь. Бояться на самом деле нечего. Просто держись за мою ладонь и иди.

Просто... нет, это непросто. Головой я понимала, что Керт всё предусмотрел и действительно не позволит мне покалечиться, но страх — иррациональное чувство, которое, видимо, рождается совсем не в голове.

Меня колотило. По коже бежали противные липкие мурашки, несмотря на то, что я вовсе не мёрзла — магистр,

как и в прошлый раз, согревал нас магией. Но меня знобило, словно я стояла на холодном ветру.

Я зажмурилась изо всех сил и рвано вздохнула, пытаюсь унять дрожь, но не получилось. И самой стало стыдно перед Кертом, взрослым и сильным мужчиной, которому наверняка странно, что можно настолько бояться в подобной абсолютно не опасной ситуации.

— Шани, — слышался вдруг хриплый шёпот магистра возле моих губ, и я даже вздрогнула от неожиданности. И страх на мгновение отступил, уступив место смущению. — Давай же, я держу тебя. Сделай один шаг. Всего один. Ну же!

Он так выдохнул это «ну же!», что мои губы буквально опалило его горячим дыханием, и я действительно сделала шаг. Только не туда, куда было нужно, не вниз по крыше, а вперёд, к Керту. Я желала быть ближе к нему и его обжигающему дыханию, которое отчего-то хотелось выпить, как живительную воду.

Дарида, что со мной?..

— Неплохо. — Вдох, показавшийся мне странно взволнованным, коснулся щеки, и я замерла, почувствовав руку Керта на своей талии. Ладонь скользнула по спине, ласково погладив, и остановилась, так и не нарушив границ приличия. — Но нужно идти в другую сторону. Давай так. Отвернись, а потом пойдём вместе. Ты спереди, я сзади.

— Магистр, — простонала я, открывая один глаз. Керт был близко, настолько близко, что это уже могло считать-

ся интимными объятиями. — Вы издеваетесь? Отвернуться! Это же...

— Ладно, — хмыкнул он, глядя на меня с неожиданным весельем. — Тогда сделаем так.

А в следующее мгновение я взвизгнула, оказавшись у него на руках. Показалось, что мы сейчас вместе упадём с этой жуткой крыши, но ничего подобного — Керт молча пошёл вниз по черепице, держа меня на руках, спокойно и размеренно чеканя шаг.

— Так тоже страшно?

В его голосе не было насмешки, только тревожность.

— Да, но не настолько, как идти самой.

— И всё-таки придётся пойти.

Он неожиданно поставил меня на ноги, и я впилась пальцами в его куртку, как в спасательный круг, осознав, что мы достигли края крыши. На нём и стоим, и под нами — какая-то мостовая со спешащими по своим делам жителями Лианора. Здесь было не так высоко, как в Библиотечной башне императорского дворца, но мне хватило, чтобы нервно сглотнуть, отвернуться и попытаться запрыгнуть обратно на руки магистра.

— Шайна, — он засмеялся, не давая мне этого сделать. А мне было плевать, что это неприлично и со стороны выглядит так, будто я домогаюсь Керта, — неважно! Лишь бы подальше от края крыши! — Я на сегодня сделал за тебя первую половину работы, но вторую ты должна сделать са-

ма — дойти отсюда до окна, из которого мы вылезли. Это недолго, всего пятнадцать шагов.

Я едва не захныкала.

— Шайна! — Голос Керта стал жёстче. — Соберись, ну же! Я подозревал, что тебе будет тяжело поначалу, поэтому не удивлён. Но, если ты сейчас не сможешь сделать то, о чём я только что сказал, я буду очень разочарован. Очень. Ты хочешь разочаровать меня?

— Магистр! — Я внезапно разозлилась. — Что за шантаж? Для того, чтобы разочароваться, нужно быть очарованным как минимум, а вы...

— Давай-ка этот разговор мы продолжим в комнате, — решительно перебил меня Керт. — А сейчас иди наверх. Я буду держать тебя за талию. Давай, Шайна, докажи мне, что ты умеешь не только лить слёзы и распускать нюни!

Распускать нюни?!

Я яростно заскрежетала зубами и, вырвав из руки Керта свою ладонь, сделала шаг. Вздохнула, послав к кхарртам приступ внезапной паники, и шагнула ещё раз. И ещё.

Магистр, как и обещал, положил руки мне на талию, и когда он это сделал, я от неожиданности съехала немного вниз и врезалась бёдрами в его тело. Застыла, ощущая, как от этого места по венам и артериям будто расходится чистейший Огонь...

— Дальше, Шани. — Голос Керта звучал сипло, и мне показалось, что с ним происходит то же самое. — Иди.

— Иду, — огрызнулась я, чтобы скрыть смятение от происходящего, и сделала ещё шаг вперёд.

Не знаю, сколько времени длилось моё восхождение, но к середине пути страх почти исчез, вытесненный бешеным возбуждением оттого, что я постоянно непроизвольно тёрлась ягодицами о Керта. Это была какая-то пытка, и я не могла думать ни о чём другом, даже мысли о крыше и высоте куда-то подевались. Я могла рассуждать лишь о том, что будет, когда мы наконец окажемся в комнате.

А было... странное.

Магистр резко посадил меня на подоконник, взял моё лицо в ладони, обжёг губы полным страсти взглядом и прошептал:

— Умница. Завтра продолжим.

Ответить я не успела — он активировал амулет переноса и через несколько секунд просто оставил меня в палате лазарета, даже не попрощавшись.

А я медленно опустилась на кровать, прижимая ладони к пылающим от волнения щекам и пытаюсь понять, что со мной происходит, и боясь допустить в сознание мысль, которая терзала меня с момента нашей с Кертом первой встречи.

Почему я реагирую на него как на Норда?..

Дрейк Дарх

В академии Дрейк занимал две комнаты — кабинет и

спальню. Последнюю он и отдал Шайне, намереваясь спать отныне в кабинете, где был удобный и вместительный диван. В спальню же, где ранее стояли только кровать и гардероб, перенёс ещё небольшой письменный стол и трюмо, чтобы Шайне было где заниматься и прихорашиваться. Она всё-таки девочка.

Глядя на то, как дочь раскладывает по книжным полкам в кабинете свои учебники, Дрейк в очередной раз порадовался тому, что она согласилась переехать к нему. Вместе им будет не так отчаянно одиноко, как ему теперь было после ухода Эмирин.

— Как всё прошло? Дин и Мирра спокойно восприняли?

— Ну, они расстроились. — Шайна запихнула на полку последнюю книгу, обернулась и бледно улыбнулась Дрейку. — Но не упрекнули. Поняли, что для меня это важно.

— Я рад, что ты встретила в академии таких хороших друзей.

— Да, я тоже. Но меня сегодня очень удивило то, что я нигде не столкнулась с Коулом и Данитой. Я специально не пошла на ужин, а обедала в палате, но никак не ожидала, что не встречу их в общежитии. Странно.

— Ничего странного, — усмехнулся Дрейк. — Это тебе подарок от Эмирин. Она решила отсрочить твою встречу с ними до понедельника. Так что академия просто разводила вас по разным углам.

— Коул, наверное, в ярости...

— Возможно. Но это не твоя проблема. Как прошла встреча с Кертом?

Шайна закусил губу, и в её взгляде появилась какая-то болезненность, будто во время занятий с магистром произошло то, что ей было неприятно вспоминать.

— Сложно. Он вообще сложный. Ты знаешь, как именно он собирается меня учить?

— Предполагаю. Я пересмотрел кучу литературы, пока ты была без сознания, — признался Дрейк. — Самой эффективной считается методика эмоциональной концентрации. То есть подавление сильных эмоций до возможности думать и выполнять задачи инструктора.

Шайна вздохнула.

— Он затащил меня на крышу какой-то гостиницы и пытался заставить по ней ходить.

— А, — Дрейк не удержался от улыбки, глядя на недовольную мордашку дочери. — Понимаю, неприятно, но придётся потерпеть. И, Шани, это ведь не самое страшное, что может случиться в жизни.

— Да, — ответила она как-то рассеянно и вдруг спросила: — Пап, а ты уверен, что... император погиб?

Брови Дрейка произвольно поползли вверх.

— Что?.. — Взгляд дочери наполнился отчаянием, и он поспешил ответить как можно мягче, шагнув вперёд и сжав её прохладную ладонь: — Да, колючка. От «огненного цветка» нет спасения.

Шайна отвела глаза и прошептала почти неслышно:

— Конечно. Я просто никак не могу смириться, поэтому и ищу его в других людях. Глупо.

— Это не глупо. И со временем обязательно пройдёт, пока же всё случилось ещё слишком недавно. Но давай-ка лучше поужинаем. Будешь овощное рагу?

— Буду.

Иногда ему было жаль, что Шайне не нравится Коул. Если бы эльфёныш смог завоевать её сердце и дочь забыла свою влюблённость в императора, Дрейка бы это полностью устроило. Но пока никаких перспектив к этому он не видел и помогать Коулу не собирался, не желая лезть в личную жизнь Шайны.

В глубине души он был немного рад, что с Велдоном всё получилось именно так — на его взгляд, дочь отделалась наименьшими потерями. И за это чувство Дрейку было стыдно. Особенно когда он смотрел в потухшие глаза Шайны и видел её улыбку — неясную тень прежней.

Время. Теперь поможет только время.

Глава 6

Шайна Тарс

Вечером в воскресенье, после ужина, отец подарил мне переговорник в виде броши. Эти амулеты для связи были популярны, но недёшевы, и цена зависела от того, с каким количеством знакомых можно было связаться при помощи переговорника. В каждом амулете хранилось определённое число ключей для связи, которыми нужно было обмениваться, чтобы разговаривать друг с другом на расстоянии. В моей брошке было десять ключей — много. Особенно для меня. Мне некому было давать ключ от своего переговорника, кроме отца. Но он сказал, что когда-нибудь это непременно изменится, а сейчас ему так будет спокойнее. Я кивнула, поблагодарила за подарок, невольно подумав — а чего обо мне беспокоиться? Кому я нужна? Через меня, наверное, раньше можно было добраться до императора, но теперь поздно.

Вспомнив Норда, я в очередной раз сглотнула появившуюся во рту едкую горечь и поспешно встала с постели, чтобы чем-то занять себя и не лежать под одеялом, уставившись в потолок. На новом месте спалось просто ужасно, и за всю ночь я продремала от силы часа два, а теперь мучилась от рези в глазах. Ничего, привыкну.

Настенные часы показывали полшестого, до завтрака ещё

уйма времени. И чем заняться? Учёбой? Или...

— Мр-рм, — фыркнула вдруг Хель, переворачиваясь на другой бок, и приоткрыла один глаз, чтобы многозначительно на меня посмотреть. Порой мне казалось, что она отлично понимает не только то, что я говорю, но и то, что думаю и чувствую. Как сейчас.

— Я бы очень хотела пойти туда, — шепнула я и на мгновение зажмурилась, прижимая ладонь к груди, где отчаянно билось маленькое и глупое сердце. — Но мне страшно.

— Мыр. — Хель махнула лапой, словно говоря: «Нечего бояться». И я действительно не боялась, что меня могут арестовать, если я вновь проникну в императорскую библиотеку. Я боялась, что расклеюсь, оказавшись там, в том помещении, которое в моём сознании было неразрывно связано с Нордом.

Но я должна пересилить себя. В конце концов, библиотека ни при чём, а мне на самом деле необходимо найти ответы на множество вопросов. И не только про «долг души». Я хотела понять, почему Эдриан выжил после применения «огненного цветка», который убил маму? Ведь связь должна быть двусторонней. Он должен был погибнуть! Но он выжил и десять лет скрывался, значит, нашёл лазейку в заклинании. Какую? Я хотела знать. Понятия не имею, зачем мне эта информация, ведь ни маму, ни Норда не вернёшь. Но я всё равно должна знать. Просто чтобы понимать, как так получилось.

Я медленно оделась и выскользнула из спальни в кабинет, где теперь ночевал отец. Покосилась на диван, опасаясь, что Дрейк проснётся, но он дышал ровно, уткнувшись носом в подушку и накрывшись одеялом почти с головой, не подавая никаких признаков пробуждения. Я тихонько прошла мимо и вышла в коридор.

Огляделась. Непривычно было выходить из комнаты и попадать совершенно в другое место, а не в коридор студенческого общежития. На этом этаже находились жилые комнаты и кабинеты тех преподавателей, которые по какой-либо причине предпочитали жить в академии и просили ректора предоставить им помещение. Наверное, и Дарион Керт тоже обитает где-то рядом...

Почему я думаю о нём сейчас?

Я тряхнула головой и решительно направилась вправо по коридору, к лестнице, по которой можно было попасть на первый этаж, оттуда перейти в соседнее крыло, чтобы оказаться в центральном холле, а затем уже очутиться в зале памяти. По пути мне никто не встретился, и через несколько минут я с трепетом распахивала знакомые двери и решительно шагала к порталному зеркалу, стараясь не обращать внимания на сердце, которое бухало так, словно мечтало сбежать из моей груди и никогда больше не возвращаться.

Меня снедала глупая и абсолютно неоправданная надежда, что сейчас, стоит лишь перенестись в библиотеку, как окажется, что всё случившееся мне просто приснилось. Или,

может, это была всего лишь жестокая шутка. Или коварный план по поимке заговорщиков. В общем, что угодно, я готова была принять любое объяснение, лишь бы мой император был жив. Мне было абсолютно безразлично, в каком статусе я буду существовать для него дальше, лишь бы иметь возможность вновь видеть глаза Норда, его улыбку, ощущать крепкие и надёжные объятия. Моя обида на него, бывшая ранее столь невыносимо сильной, словно сгорела в огне инициации дара и больше не тревожила. Я даже вспомнить не могла, почему так злилась на Норда сразу после признания. Разве я не поступила бы так же, будь на его месте? Разве не захотела бы сохранить лёгкость в отношениях, пусть даже путём сокрытия тайны своего настоящего имени? Конечно, будь я на его месте, сделала бы то же самое. Но у меня просто не было необходимости.

Возле зеркала я резко остановилась, пытаюсь хорошенько продышаться — неслась сюда, не чуя ног и не обращая внимания на нехватку дыхания, так торопилась. Дарида, как это всё глупо... Сейчас я получу очередную порцию разочарований и отправлюсь в комнаты Дрейка и дальше пытаться делать вид, что продолжаю жить нормально, что у меня в сердце нет звенящей пустоты, которая только расширяется с каждой минутой...

Не лучше ли не ходить туда совсем? Надеяться, что Норд по-прежнему там, сидит в кресле, пьёт чай, листает книги. И не ждёт меня, потому что сам просил больше не приходить.

Я всхлипнула, кривя губы, сжала кулаки и решительно шагнула в зеркало.

По ту сторону было темно и тихо. Сильно пахло книгами, а ещё почему-то кофе. Горьким, терпким и безумно дорогим мирнарийским кофе...

Норд никогда не пил со мной кофе, но я всё равно дёрнулась навстречу высокой фигуре, сидящей в том же кресле, в котором раньше сидел он. Даже несмотря на то, что фигура эта была слишком худой, долговязой, и к тому же — с абсолютно белыми волосами.

— Доброе утро, Шайна, — произнёс главный придворный маг, поставив чашку на стол и поднимаясь мне навстречу. — Рад, что ты зашла.

Рад... Я не была рада. Впрочем, встретить здесь живую душу точно лучше, чем оказаться в полном одиночестве среди книжных полок.

— Доброе, — ответила я негромко, разглядывая длинное и тонкое лицо с очень светлой кожей, прозрачными бровями и глазами настолько синими и сверкающими, что они казались двумя сапфирами, вживлёнными в глазницы. Я много раз видела в учебниках портреты Аравейна, главного придворного мага, но они были чёрно-белыми и не передавали даже сотой доли той волшебной энергетики, которую я сейчас ощущала всей кожей.

— Садись, — он кивнул на моё привычное кресло, и я

с трудом удержалась от того, чтобы не скривиться. Сидеть здесь с кем-то другим кроме Норда казалось кощунством.

— Спасибо, я постою.

— Хорошо, — он не стал спорить. — Кофе?

— Не нужно.

И вновь он принял мой ответ, спокойно, невозмутимо, будто точно знал, что я ни за что не стану больше есть и пить в этом помещении.

Я ожидала дальнейших вопросов, но их не последовало. Аравейн просто стоял, выпрямившись, и смотрел на меня настолько внимательно, что у меня появилось желание потереть лоб — вдруг там пятно?

Первой не выдержала я.

— Я могу приходить сюда, если захочу?

— Можешь. — Вновь спокойный, ровный голос. Как будто нормально, что в императорскую библиотеку шастает какая-то девчонка без роду и племени. — Но потом я буду отсутствовать, и ты окажешься предоставлена самой себе. Поэтому, если у тебя есть ко мне вопросы, рекомендую задать их сейчас.

Я даже покачнулась, услышав подобное заявление. Вопросы, значит... Наверное, Аравейн думал, что я поскромничаю? Это зря.

— Вы можете рассказать мне, что такое «долг души»?

Он улыбнулся уголками губ.

— Сейчас тебе не нужна эта информация, Шайна.

Я удивлённо моргнула. Как это — не нужна?!

— Очень нужна!

— Сейчас — нет. Это знание тебе никак не пригодится и не поможет, только заставит переживать и нервничать. Но я дам подсказку. — Он провёл рукой по воздуху, прямо над заваленным книгами столиком. — В одной из этих книг ты найдёшь ответ на свой вопрос. Только не торопись.

Я ожидала, что он добавит «всему своё время», но Аравейн вновь замолчал.

— Хорошо, — вздохнула я через пару минут, осознав, что мой собеседник не собирается облегчать мне задачу и задавать наводящие вопросы. — Кроме информации о «долге души» я хочу выяснить, по какой причине заклинание «огненный цветок» сработало не так, как описывается в тех источниках, которые я ранее читала.

Аравейн задумчиво наклонил голову.

— Ты говоришь сейчас не о гибели императора, верно?

— Да. Я про свою маму, Триш Лаиру. Её тоже убили «огненным цветком». По крайней мере, мне так показалось, когда я видела сон про неё. Видите ли, я сновидец...

— Я знаю, — перебил он меня. — И ты хочешь понять, отчего она погибла, а Эдриан остался жив? — Дождавшись кивка, Аравейн продолжил: — Не бывает необратимых заклинаний, Шайна. Так же, как не бывает абсолютно непробиваемых щитов. Твоя мама нашла лазейку в формуле «огненного цветка» и использовала её, желая спасти брата.

Я не стала спрашивать, зачем ей понадобилось спасти собственного убийцу, — понимала и так.

— Какую лазейку?

Я думала, он меня пошлёт. В конце концов, зачем главному придворному магу отвечать на мои вопросы? Но вместо этого Аравейн поинтересовался:

— Показать? Я могу разложить тебе формулу, сама увидишь. Только для этого тебе всё же придётся сесть.

Садиться не хотелось. Я даже думала предложить собеседнику перебраться на другой этаж, но в итоге решила, что не стоит настолько наглеть. Поэтому села в привычное и родное кресло и приготовилась слушать.

Уходила из библиотеки я минут через двадцать, шокированная и словно оглушённая всем услышанным.

Аравейн оказался прекрасным преподавателем, ничуть не хуже Эмирин, — он настолько виртуозно расчертил на листке бумаги формулу «огненного цветка» на составляющие, что и мне, не имеющей никакого таланта к прикладной магии, всё стало предельно ясно. Я даже поняла, почему и Рональдин, и моя мама выбрали именно эту специальность. Что целительство, что боевая магия — статичные дисциплины, требующие точного выполнения определённых действий и начертания формул. Будешь выдумывать своё — скорее всего, либо не добьёшься успеха, либо покалечишься. В прикладной магии всё совсем не так, это творчество, развитие и

эксперимент — в общем, то, что так любила мама.

«Огненный цветок» — смертельное заклинание, построенное на импульсе негативной энергии, то есть на ненависти человека, который проклинаят. Эта ненависть должна резонировать с чувствами того, кого проклинаят, — и взрываться пламенем с обеих сторон формулы, уничтожая и проклиняемого, и проклинаящего. В одном из моих снов Триш рассказывала Риланду, что для «огненного цветка» не обязательно испытывать ненависть, но обязательно — сильное чувство. Например, любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.